

ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ 6

СУГРАЛИНОВ Д.
ФОНДА.

18+

Данияр Сугралинов

Двадцать два несчастья. Книга 6

«Автор»

«Автор»

2026

Сугралинов Д.

Двадцать два несчастья. Книга 6 / Д. Сугралинов — «Автор»,
«Автор», 2026

«От калитки до ворот — все идет наоборот!» — кажется, теперь эта детская дразнилка определяет всю дальнейшую жизнь Сереги Епиходова. Судите сами: Алиса Олеговна внезапно помирилась с бывшим мужем и теперь интригует против него, норовя отобрать все акции. Наиль, который ранее угрожал в открытую, теперь за него в огонь и в воду. Чингиз, который когда-то чуть не прибил еще того Серегу, нынче соратник и бизнес-партнер. И что будет дальше? А тут еще и Пивасик внезапно выдал очень даже странную фразу... Примечания автора: Все описанные в книге медицинские ситуации, действия персонажей, комментарии о здоровье, питании и образе жизни представлены исключительно в художественных целях. Они не являются врачебными рекомендациями, не предназначены для самостоятельной диагностики или лечения и не заменяют консультацию квалифицированного специалиста. Перед применением любых методов, описанных в тексте, необходимо обращаться к врачу.

© Сугралинов Д., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	49
Глава 9	55
Глава 10	61
Глава 11	67
Глава 12	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Фонд А.

Двадцать два несчастья. Книга 6

Глава 1

Я замер, ошарашенный новостью: Наиль выяснил, кто убил невесту Сереги? Но ответить не успел, потому что раздался сердитый окрик:

— Епиходов! Я с вами разговариваю!

— Перезвоню, — торопливо шепнул я в трубку и отключился.

— Епиходов! — надрывалась Александра Ивановна.

И тут Пивасик, который до этого тихо и благочинно, как примерная институтка, сидел у меня за пазухой, вдруг решил проявить себя во всей красе и поэтому громко и отчетливо вякнул:

— Заткнись, старушка, я в печали!

В кабинете на миг воцарилось ошеломленное молчание. Мужики переглянулись.

Александра Ивановна медленно наливалась багрянцем. Ну, это я, конечно, утрирую, но у нее очевидно начало подниматься давление.

— Вы! Вы! — выпалила она, хватаясь за горло, словно ей не хватало воздуха. — Посмели! Сюда! Эту тварь! После того, что я сказала...

Она явно хотела добавить что-то еще, но задохнулась негодованием в буквальном смысле этого слова и умолкла.

Я подошел к электрочайнику, налил в чашку воды и молча поставил перед главврачихой.

— Пейте!

Видимо, я сказал это таким голосом, что она не посмела возразить. Или же ей действительно поплохело. Как бы там ни было, она схватила чашку и судорожно сделала два больших глотка.

Краснота медленно спадала. Взгляд стал осмысленным.

И тут Ачиков, который прямо цвел майской розой во время всего этого инцидента, вдруг выдал мягким, добреньким голосом:

— Если я не ошибаюсь, Сергей Николаевич планирует поступать в аспирантуру и приехал сюда получить положительную характеристику? Так ведь вы, кажется, говорили нашим журналистам?

Александра Ивановна опять побагровела.

А я стоял и думал, что если сейчас ударю Ачикова, то меня сразу же заметут на пятнадцать суток, и тогда мне не то что характеристики, но даже заработной за эти нелегкие дни оплаты не получить. Пусть и две копейки, но они мои, потому что трудовые. И Караяннису потом будет довольно непросто отмазать меня от всего этого. Поэтому бить Ачикова в кабинете главврача я воздержался.

— Характеристику, значит, надо?! — взвилась Александра Ивановна. — Карьеру за наш счет хочет сделать! А элементарных правил соблюдать не собирается?! Или вы, Епиходов, думаете, что если мне звонили из министерства, то на вас и управы нету?! Пишите заявление на увольнение! Прямо сейчас! Иначе я соберу свидетелей, и мы вас уволим за грубое нарушение санэпидрежима в ОРИТ! Опозорим на весь Татарстан и Марий Эл! И никто из министерства вам не поможет! Вы меня слышите?!

— Вот листочек. — Ачиков с сочувственной улыбкой заботливо достал из принтера и протянул мне листок бумаги формата А4.

— Благодарю, — сказал я и начал писать заявление на увольнение.

Ну а что мне было делать? Меня действительно застали за должностным преступлением. И главврач вполне может уволить меня по статье о халатности. Имеет полное право. И основания. А у меня, точнее, у Сереги, уже и так резюме еще с Казани... соответствующее.

Поэтому лезть в бутылку я не стал. Что ж...

Ну не вышло. Хотя я и старался. Пытался хорошо и эффективно работать.

Я закончил заявление, поставил подпись и дату и протянул Александре Ивановне.

— Вот.

Она взяла, пробежалась взглядом по строчкам, согласно кивнула, размашисто подписала и протянула Лиде:

— Вот и все! Адью, Епиходов!

— Спасибо, Александра Ивановна, — серьезно сказал я.

Она вскинула на меня удивленный взгляд, а я дополнил:

— Вы вполне могли меня уволить по статье. Но пошли навстречу. Я вам за это благодарен. Можно идти?

— Идите, — процедила Александра Ивановна. — Сегодня же заберите трудовую и остальные документы в отделе кадров, и чтобы я вас здесь больше не видела!

— Хорошо, — кивнул я. — Прощайте!

И тут в кабинет заглянула женщина, с которой я не был знаком, но знал, что она вроде как врач в неотложке. Пару раз видел ее в коридоре и на планерке. Она была взъерошенной и изрядно напуганной. При виде собравшихся врачей женщина выдохнула и сказала:

— Там из Нурумбала сложного пациента привезли. С судорогами и эпилептическим приступом. Кому его? Это срочно.

Ачиков побледнел и умоляющим взглядом зыркнул на Александру Ивановну. Та нахмурилась, обвела всех тяжелым взглядом и остановилась на мне:

— А вот Епиходову его и отдайте, — злорадно сказала она. — Он как раз нейрохирург. Вот пусть и занимается. Его направление.

— А я уволен, — со вздохом развел руками я и для убедительности изобразил сожаление.

— С завтрашнего числа, — растянула губы в резиновой усмешке Александра Ивановна.

— Все так. Но до конца рабочего дня осталось восемнадцать минут, — ответил я ей в тон и показал циферблат на часах. — Как раз чтобы успеть дойти до отдела кадров и забрать трудовую книжку. Так что всего доброго, коллеги! Рад был поработать с вами!

С печальной улыбкой развернувшись, я пошел к двери в оглушительной тишине.

— Пойдите, Епиходов! — взвизгнула главврач.

Я остановился и посмотрел на нее. Она сидела вся красная, злая.

— Что еще, Александра Ивановна? — спросил я предельно вежливым и подчеркнуто дружелюбным тоном.

— Лида, дай-ка сюда заявление Епиходова! — рыкнула главврач.

Та суетливо отдала ей бумажку. Александра Ивановна пробежалась еще раз по ней глазами и вдруг размашисто дописала пару слов.

— Вот! — злорадно сказала она мне. — Вам таки придется отработать две недели, Епиходов. Все по закону! Трудовое законодательство мы соблюдаем в полном объеме! Так что идите и занимайтесь этим больным. Зинаида вас проводит. Зинаида, проводи Епиходова к эпилептику!

Ачиков сиял, как медный пятак.

А я пожал плечами, ехидно усмехнулся, вышел из кабинета и направился к Зинаиде.

— Все плохо? — на ходу спросил я.

— Очень! Увидите! — откликнулась она, обреченно махнула рукой и устремилась вперед.

А я бежал за ней по коридору и думал не о том, что сейчас случилось в кабинете Александры Ивановны, а о том, успеем ли мы спасти пациента.

Двери распахнулись, и я увидел, как на каталку под лязг металла переключают мужчину средних лет в грязной фуфайке. Его трясло: руки и ноги дергались сами по себе, тело то напрягалось, то обмякало, словно мужчину било током. Это были тонико-клонические судороги. Он страшно хрипел, язык запал, дыхание сбивалось, будто человек тонул на суше.

Система мгновенно выдала диагноз:

Диагностика завершена.

Основные показатели: температура 38,1 °С, ЧСС 142, АД 180/105, ЧДД 28.

Обнаружены аномалии:

— *Эпилептический статус (длительность ~140 минут).*

— *Гипоксия церебральная (умеренная).*

— *Риск отека мозга (высокий).*

— *Риск аспирационной пневмонии (высокий).*

Его тело буквально выгибалось дугой, как у гусеницы, а зубы сжимались так, что казалось, сейчас раскрошатся и эмаль треснет.

Во время переключивания у него изо рта обильно пошла пена, окрашенная в розовый цвет — явно прикусил язык или губу. Рядом, бледные как алебастр, металась пара санитаров. Они больше мешали друг другу, зато наводили суету.

Один, пожилой, хрипло бормотал:

— Петрович... как же ты так...

— Давно с ним это? — спросил я санитаров строгим голосом, чтобы пресечь панику.

— Давно, — хрипло ответил тот, что постарше, седой и чуть сгорбленный. — Часа полтора его колбасит точно.

— Если не больше, — добавил второй, помоложе, рыжий. — Может, и все два с половиной.

— Почему же раньше не привезли? — возмутился я, бросившись к пациенту.

— Обычно за пятнадцать минут у него проходит, — виновато ответил пожилой, с усиленным удерживая быщегося в судорогах мужика. — Так-то он смирный. А вот нынче что-то не прекращается... Какая-то дичь, мать ее так!

Петровича опять выгнуло дугой.

— Держите же его! — нервно воскликнула Зинаида, заламывая руки.

Я ее понимал, потому что вид у Петровича был страшный. Даже меня капитально пронял.

Оба санитаров навалились на Петровича, но удерживали его еле-еле, с трудом.

Дежурная медсестра, имени которой я не знал, уже бежала навстречу с кислородным баллоном.

Петровича опять выгнуло.

— Время! — сказал я, прерывая суету. — Работаем! Диазепам, десять миллиграммов, внутривенно, медленно, под монитором! Сатурация, давление!

Каталку с лязгом и грохотом покатали в реанимационный зал. Судороги не отпускали больного. Его тело так сильно колотилось о жесткий матрас каталки, что санитары еле удерживали, глаза закатились, и были видны только голубоватые белки в алых пятнах от лопнувших капилляров. Не отрывая взгляда от мужика, я быстро нашел вену на руке — тонкую, нитевидную, почти невидимую.

— Придержите! — велел я.

Старший санитар кивнул и навалился на руку всем телом.

Игла вошла с первого раза. Шприц двигался медленно и плавно, дозируя препарат.

— Сатурация падает! Восемьдесят пять! — крикнула дежурная медсестра, приклеивая датчик к пальцу.

— Подайте кислород, маска! Интубационный набор наготове! — скомандовал я.

Пошли секунды, которые показались мне часами.

Лекарство действовало. Но медленно. Слишком медленно.

И тут я заметил, что дикие конвульсии стали реже, затем сменились мелкими нечастыми подергиваниями, тремором, и наконец тело Петровича, облитое холодным потом, обмякло, безвольно раскинувшись на каталке.

Я кинул санитару — отпускаяй.

Он облегченно выдохнул, разминая затекшие кисти.

Внезапно наступившая тишина была оглушительной. Прервал ее только прерывистый, хриплый вдох пациента.

Но я не расслаблялся. Мои пальцы легли на его шею, ища пульс. Нащупал — пульс был неровный, частый, но уже ощущался отчетливой.

— Давление?

— Поднимается, сто на шестьдесят, — отозвалась дежурная медсестра, и в ее голосе впервые пробилось облегчение.

— Сатурация?

— Девяносто два... девяносто четыре... девяносто шесть...

— Готовьте вальпроат, — сказал я дежурной медсестре. — Если снова пойдет — интубируем.

В райбольнице мы были понемногу всем. Невролога в Морках не имелось уже лет пять, и эпистатус — затяжной, не прекращающийся приступ судорог, опасный для жизни, — автоматически становился моей головной болью.

Я отступил на шаг, позволив себе глубоко выдохнуть. Только теперь ощутил, что ладони влажные, а спина напряжена до боли. Я зыкнул на монитор: ровная, хоть и учащенная, зеленая кривая сердечного ритма прочертила экран.

Система обновила данные:

Диагностика завершена.

Основные показатели: температура 37,6 °C, ЧСС 94, АД 135/88, ЧДД 19.

Обнаружены аномалии:

— *Постиктальное состояние.*

— *Риск рецидива судорог (умеренный, 34% в ближайшие 6 часов).*

— *Гипоксия церебральная (разрешающаяся).*

Жизнь к Петровичу потихоньку возвращалась. И слава богу.

— Ох, — облегченно вздохнула дежурная медсестра.

И тут в полной тишине, где безмолвие нарушал только тоненький писк датчиков, как гром среди ясного неба прозвучал бодрый голос Пивасика у меня из-за пазухи:

— Как быстро, мля, опали листья!

Нужно было видеть глаза медсестры! Шедевральное зрелище!

Через двадцать минут, когда Петровича перевели в палату и подключили к капельнице с противосудорожным, я вышел в коридор.

Там толпились люди. Как я понял, родственники этого мужика из деревни.

— Как он, доктор? — нервно воскликнула женщина средних лет в платке — явно или жена, или какая-то родственница.

— Жить будет, — кивнул я. — Острый приступ купирован. Теперь нужно обследование и правильное лечение. Длительное. Так что готовьтесь. Хорошо, что все-таки привезли. Еще чуть — и было бы поздно. И скажите спасибо нашим санитарам за хорошую работу.

Санитары: и старый, и молодой — при моих словах покраснели и смутились. Но я видел, что им было приятно. Работу младшего медперсонала отмечают редко.

— А что с ним вообще было, доктор? — спросила одна из женщин. — Его же трясло так жутко... Он что, мог умереть?

— У него был эпилептический статус, — сказал я. — Это когда приступ не заканчивается сам, потому что мозг как будто застревает в аварийном режиме и не может из него выйти.

— Что за режим такой? — переспросила она.

— Представьте, что в голове одновременно нажали на газ и тормоз, — пояснил я. — Нервные клетки начинают стрелять хаотично, без остановки. Из-за этого тело дергается, дыхание сбивается, а мозгу не хватает кислорода, и, если это тянется долго, он просто начинает задыхаться.

— Божечки!

— Сердце тоже страдает. Давление скачет, пульс срывается. Плюс человек может захлебнуться собственной слюной или кровью.

Я кивнул в сторону палаты.

— Поэтому такие приступы — это вам не «просто трясет», а самая настоящая угроза жизни.

Женщина вцепилась в рукав стоящего рядом мужика и испуганно спросила:

— А теперь-то что нам делать?

— Теперь главное не допускать повторов, — ответил я. — Противосудорожные препараты постоянно, обследование, контроль. Если снова «перетерпеть», как раньше, в следующий раз можем не успеть.

— Поняла... Раньше вроде нормально все было с Петровичем, потрясет да проходит. А тут, получается, чуть дуба не дал.

— Это не шутки, — сказал я. — Просто раньше везло.

— Доктор, а если у него опять дома начнется — что им делать-то? — спросил рыжий санитар.

Я посмотрел на толпу родственников и заговорил уже для всех сразу.

— Главное, не держать и не пихать ничего в рот. Он язык не проглотит, это миф. А вот сломать ему зубы или задушить можно запросто.

— А как тогда помочь-то? — спросил кто-то сзади.

— Уложить на бок, голову повернуть, чтобы слюна и пена вытекали. Убрать рядом все твердое, обо что можно удариться. И засечь время. Если прошло пять минут, и не отпускает — сразу скорую. Не ждать, не надеяться на «авось пройдет».

— А если вдруг опять дышать перестанет? — тихо спросила женщина в платке.

— Тогда это уже реанимация, — спокойно ответил я. — И счет идет на минуты. Но до такого лучше не доводить.

В коридоре стало тихо.

— Понятно всем? — спросил я.

Люди закивали.

Я коротко попрощался и пошел мыть руки. Пивасик тихо, как паинька, сидел за пазухой и не вякал. Явно понял, что нашкодил уже достаточно.

И только после всего этого я вдруг осознал, что совершенно забыл спросить у Александры Ивановны о Фроловой. А впрочем, может, это и к лучшему. Если бы я сейчас упомянул о ней, то еще неизвестно, что бы Александра Ивановна устроила. А так я отдам ей деньги в сумме премиальных. Не думаю, что там прямо очень много.

С этими мыслями я вошел в ординаторскую, решив забрать свои вещи. Да их тут и немного было, но я еще пару дней назад принес свою чашку, халат и сменную обувь. Вроде мелочи, а оставлять неохота.

Я не обольщался. Александра Ивановна сказала, что нужно отработать две недели. Но это все было перед лицом вероятных сложностей с эпилептиком. А сейчас, когда проблема исчезла, она вполне может переменить свое скоропалительное решение. И мне потом очень бы не хотелось бегать по больнице и впопыхах собираться. А если нужно будет отработать две недели полностью, из которых четыре дня в Чукше, я уж как-нибудь без чашки и тапочек перебыюсь.

Стоило мне войти туда, как на меня дружно набросились Лариса Степановна и Зинаида.

— Так это правда? Сергей Николаевич, вы с ума сошли? Вы что, увольняетесь?! Уже вся больница гудит. В город решили вернуться? Да в этой вашей городской больнице вас никто и не заметит! — Лариса Степановна, медсестра, которая помогала мне на приеме, сейчас стояла, уперев кулаки в бедра. Ее обычная твердость сменилась отчаянной злостью. — И Анатолий в шоке будет! И Геннадия я сегодня же скажу!

Я, не глядя на нее, механически складывал в пакет вещи.

Люди не знали, из-за чего весь сыр-бор. А я не собирался объяснять. Поэтому ответил обтекаемо:

— Лариса Степановна, я все взвесил. Там, в Казани, перспективы, современное оборудование, наконец, нормальная зарплата. Здесь я не прижился. Деревня не для меня. Вот давайте так и будем считать!

Не буду же я ей говорить про косяк с Пивасиком и про то, что главная взъелась на меня с первого дня.

— Какие там перспективы? — ворвалась в разговор возмущенная Зинаида. Она только что закончила сдавать смену и примчалась сюда прямо за мной, сняв халат на бегу. — Сергей Николаевич, вы сами только что видели, что без вас здесь никак! Мы бы этого Петровича сами ни в жизнь не осилили! Ачиков — это же сплошная профанация! Дубинушка стоеросовая! А людям нормальный врач нужен. Подумайте хорошенько! Вас тут уже знают. Вас тут ждут. Баба Маша вон из пятого отделения спрашивает каждый день: «А мой доктор, Сергей Николаевич, когда дежурить будет?» Она после ваших слов реально за здоровьем следить начала! Даже в Йошкар-Олу не поехала. Тут лечится. Чтоб под вашим личным наблюдением быть.

Я вздохнул и поднялся, взяв пакет.

Опять вступила Лариса Степановна. Голос у нее дрогнул. Видя, что я замедлился, она подхватила, говоря быстро и горячо:

— А Борька? Вы же Борьку спасли! Да вас после этого вся Чукша на руках носить готова! Сергей Николаевич! Здесь вы — личность. Человек. Человечище! А там... там вы будете очередной «сотрудник отделения номер такой-то».

И вот что им сказать? Правду? Но это все звучало бы смешно.

Зинаида подошла и положила свою шершавую руку на мое плечо. Жест был простой и невероятно искренний.

— Оставайтесь, Сережа... Сергей Николаевич. Нам без вас будет пусто. Пожалуйста.

В ординаторской повисла тишина, нарушаемая лишь гулом старого холодильника. Я закрыл глаза. Блин, ну вот что я могу?

— Давайте так, — сказал я, пытаюсь унять разбушевавшихся дамочек. — В любом случае мне еще две недели тут придется отрабатывать. Так что я на работу ходить буду как штык. А там дальше посмотрим. Если мое мнение изменится, ну, или пациенты за меня попросят главврача — тогда вполне может быть, что я свое заявление и отзову.

Лариса Степановна и Зинаида вынуждены были удовлетвориться хотя бы этим. Надеюсь, намек они поняли.

А я вырвался на волю и выдохнул. Нет, с женщинами спорить — себе дороже. Как в моей прошлой жизни, так и в этой...

День уже близился к концу, поэтому я прямиком отправился домой.

По дороге позвонил Наилю.

Он долго не брал трубку, но наконец ответил. Голос у него был пьяным, а фоном на заднем плане слышалась веселая танцевальная музыка.

— Добрый вечер, Наиль! Так что там о моих жене и сыне?

— Сергей Николаевич, это не телефонный разговор! — заплетающимся языком сказал он. — Приезжайте в Казань, и я все расскажу.

— Пока не могу, — пробормотал я, мучительно раздумывая, что делать и как быть. — Ладно, тогда до связи.

— Погодите! — воскликнул Наиль, и мне показалось, что он чуть протрезвел.

— Слушаю, Наиль.

— Секунду, Сергей Николаевич. Вы уж извиняйте, просто мы тут в бар толпой завалились, у друга день рождения. Музыка шпилит — ничего не слышно. Я щас на улицу выйду.

— Хорошо. — Я терпеливо дождался, пока он дойдет до улицы.

Наконец в трубке стало чуть тише, и Наиль вполне трезвым голосом сказал:

— Есть еще одна новость, Сергей Николаевич. И боюсь, она вас не порадует. Но я таки должен вас предупредить.

— О чем? — не понял я.

— Алиса Олеговна, — кратко сказал Наиль.

— Что «Алиса Олеговна»? — Меня уже начала раздражать эта его привычка крутить фактами. — Говори прямо, Наиль!

— Это капец! — сказал Наиль и, видимо, почуввав мое раздражение, торопливо добавил: — Она помирилась со своим Виталием Аркадьевичем! И теперь гонит на вас!

Глава 2

— О как! — изумленно пробормотал я.

— О как! — синхронно отозвался из-за пазухи Пивасик, причем почему-то склочным женским голосом.

Так как в это время я проходил по улице, встречающая старушка в зеленом берете покосилась на меня с подозрением и торопливо перекрестилась. А затем перешла на другую сторону.

— Пивасик, заткнись, — хмуро пригрозил ему я.

— Что сделать? Плохо слышно! — крикнул в трубку Наиль.

— Это я размышляю, — спрыгнул со скользкой темы я. — Так что конкретно она там на меня гонит?

— И это тоже не телефонный разговор, Сергей Николаевич, — отозвался Наиль, тщательно выговаривая слова. — Приезжайте в Казань. Давайте встретимся и поговорим. Мне есть что вам рассказать. Гарантирую, вы будете довольны!

— Да я не планировал на эти выходные, — вздохнул я. — Только пару дней как приехал. Может, на следующие как-нибудь вырвусь.

— Буду ждать. Но лучше бы побыстрее.

— Я сообщу, — сказал я и прервал связь.

Интересно девки пляшут. Чем дальше — тем интереснее.

Да, Наиль всех нюансов не рассказал. Но и того, что он сообщил, уже достаточно, чтобы крепко задуматься. Причем тайна смерти жены предыдущего Сергея волновала меня значительно меньше. Нет, конечно, я чувствовал ответственность за его судьбу, и все враги Сереги рано или поздно будут обязательно наказаны. Как и мои, впрочем.

Но сейчас меня все же больше заинтересовала Алиса Олеговна. Если верить Наилю, она простила-таки непутевого мужа и чета воссоединилась. И сейчас они заняты вопросом возвращения всех акций в семью, а поэтому я для них теперь враг номер один, так как на сегодняшний день являюсь владельцем одиннадцати процентов. По условиям договора, я временно владею этой долей и после развода и улаживания всех юридических формальностей должен вернуть Алисе Олеговне десять процентов. Мне же «за работу» остается один.

Но этот вопрос я тоже пока отложил. Слишком мало вводных. Одно слово Наиля, который тоже был довольно мутным, — это еще не критерий.

Домой я вернулся с твердым намерением отложить все лишнее на потом. Акции, Алиса Олеговна и ее муж, Наташа с ребенком, секреты Наиля — вопросы серьезные, но не горящие. Подождут.

А вот аспирантура ждать не может. Время уходит: нормальные аспиранты уже сдали вступительные или сдают прямо сейчас, а я даже документы до конца не подал. Для этого нужна характеристика, для характеристики — нормальные отношения с руководством, а на работе у меня сейчас, мягко говоря, не блестяще.

Но без аспирантуры никак. Это мой единственный шанс оказаться рядом с Марусей, учиться вместе с ней, стать частью ее жизни. А через нее — наладить отношения и с Сашкой. Мои дети. Ради них стоит потерпеть и Александру Ивановну, и все остальное.

С этой мыслью я и занялся текущими делами.

Для начала решил сварганить легкий супчик. Переоделся в домашнее, настроился на уютный вечер и тут обнаружил, что картошка закончилась. Значит, нужно одеваться и снова тащиться на холод... Я рассердился на себя: ведь мимо магазина проходил, мог заглянуть. Так меня этими рабочими разговорами и проблемами выбило из колеи.

И в этот момент телефон разразился трелью. Я посмотрел — звонил Серегин отец.

— Алло, — сказал я. — Здравствуй, пап.

— Сережа, сынок... — Голос Николая Семеновича звучал взволнованно и непривычно.
— Отец, что-то случилось?
— Мать заболела, — проговорил он дрожащим голосом, еле-еле сдерживаясь.
— Так, успокойся. Что с ней конкретно? Чем заболела?
— Я не могу, не знаю, что делать! — Он сбился, вконец умолк и не мог выдать ни слова.
— Еще раз говорю, отец, соберись. Так, послушай меня. Пойди сейчас на кухню, налей себе воды и выпей. Я здесь, на связи, не отключаюсь. Выпей воды спокойно. Иди на кухню, иди, иди. Идешь?

— Иду.

— Налил?

— Да.

— Теперь выпей немного маленькими глоточками. И дыши глубоко. Раз, два, три... — Убедившись, что он задышал медленнее, спросил: — Продышался?

— Да, — сказал Серегин отец.

— Еще воды попей и успокойся. От того, что ты паникуешь, проблема сама не решится. Успокоился?

— Вроде да, — дрожащим голосом сказал Серегин отец, но голос уже был более крепким.

— А теперь спокойно, без эмоций, объясни мне, что случилось с матерью. Она жива?

— Да, конечно. Это... у нее операция должна быть.

— Ну, операция — это хорошо, — сказал я демонстративно бодрым голосом, чтобы не пугать старика. — Раз назначили операцию, значит, есть уверенность, что все будет благополучно. А теперь объясни мне, что за операция и когда она будет?

— З-завтра, — сказал Серегин отец.

— А что за операция? Что с ней, сердце?

— Что? Н-нет... К-катаракта, — выдохнул он.

И я чуть не заржал в трубку, еле-еле сдержавшись в последний момент.

— Катаракта — это не смертельно, — осторожно сказал я.

— Но она так боится ослепнуть! Сережа, ты не представляешь, она так плакала! Хорошо, сейчас ушла к соседке, они там вдвоем сидят, рыдают. Ой, я не знаю, что будет, это же твоя мать, — запрочитал Серегин отец.

Решение пришло быстро. Видимо, это судьба, и надо мне все-таки ехать в Казань.

— Отец, на какое время операция назначена? Это же в платной клинике?

— Да, в платной, решили не экономить. В десять утра.

— Прекрасно. И не переживай, батя. Это самая обычная операция, такие делают каждый день по всему миру, миллионами в год. Ничего страшного там нет: через маленький прокол убирают помутневший хрусталик и ставят новый. Делают под каплями, без боли, причем, чтобы все было еще аккуратнее, лазером. Вся процедура занимает минут пятнадцать–двадцать, и в тот же день человек идет домой. Так что я сегодня же приеду в Казань, и завтра мы с мамой спокойно ходим в клинику вместе, чтобы она не нервничала.

— Ой, сынок, какой ты молодец! Спасибо! Что бы мы делали без тебя, — запрочитал Серегин отец, и в его голосе была такая радость, что я аж вздохнул.

И понял, что он боится этой операции гораздо больше, чем Серегина мать. Ну что ж, и так в жизни бывает. А раз они родители того тела, в которое я переместился, мой, по сути, сыновний долг — помочь им и поддержать. Если они так боятся всего этого, значит, я должен отвезти Веру Андреевну в больницу.

Я еще поговорил немного с Серегиним отцом, поддержал его, рассказал какие-то ничего не значащие новости, чтобы придать ему бодрости, и отключился. А сам сел и задумался.

Завтра пятница, и, как оказалось, по графику завтра у меня снова Чукша — в счет того дня, когда я туда приехал, а оказалось, что должен был быть в Морках.

Итак, я отработываю две недели до увольнения. Если сейчас хоть один день прогуляю — выкинут по статье. А после того, как я разругал эпилептика, Александра Ивановна наверняка соблазнится возможностью пнуть меня напоследок. Что же делать?

И тут я вспомнил: в прошлый раз я проводил экстренную операцию ночью. Это зафиксировано в журнале, так что мне положен отгул. И, как бы они ко мне ни относились, не дать его не могут.

Дальше еще лучше. Операция с Борькой и последующая операция в Морках пришлись как раз на тот день, когда по графику у меня стояла Чукша. Значит, на завтра я могу спокойно взять отгул. Для этого нужно написать заявление и передать в больницу. Сейчас там, конечно, уже никого нет, время нерабочее. Но можно проще — через Венеру. Мы обменялись номерами после того случая, так что я сразу ее набрал.

— Здравствуйте, Венера Эдуардовна, — сказал я. — Извините, что в неурочное время. Вам удобно сейчас говорить? Я буквально на минуточку.

— Да, слушаю вас, Сергей Николаевич.

Мне показалось, что она обрадовалась моему звонку.

— Венера Эдуардовна, тут такое дело. Оказалось, что завтра я должен быть у вас в Чукше по графику. Но тут у меня накладка произошла. В общем, мне сейчас позвонил отец — у матери завтра операция. Она небольшая, но мать ужасно боится, и мне нужно ее самому отвести. Как насчет того, чтобы мне на завтра взять отгул в Чукше? Вы меня прикроете?

— Конечно, конечно, — торопливо сказала Венера. — Не беспокойтесь, Сергей Николаевич! Здесь даже вопросов нет, родителям помогать надо в первую очередь.

— Спасибо за понимание, — сказал я. — Хорошо. С этим вопросом мы решили. Тогда другой вопрос — как мне передать вам заявление на отгул, чтобы оно прошло через наш амбулаторный журнал?

— Этот вопрос решить легко! — радостно хихикнула Венера. — Я сейчас в Морках. Мы тут с подружками прибарахлиться решили. Просто тут одна наша знакомая из Белоруссии одежду возит, недорого. Она в Морках живет. Как раз новый завоз у нее, вот мы все к ней и приехали. А буквально через полчаса дядя Митя захватит меня по дороге и отвезет в Чукшу. Попрошу, мы с ним подьем к вашему дому, и я все заберу. Как раз вы за полчаса успеете написать.

— Прекрасно, — обрадовался я. — Тогда жду вас. Я живу...

— Я знаю, где вы живете, — снова хихикнув, прервала меня Венера. — У Анатолия. Все об этом знают.

— Тогда жду.

Я отключился и принялся писать заявление.

И тут мой взгляд остановился на Пивасике, который с видом примерной институтки сидел у себя в клетке и даже не высовывался наружу, помня, сколько всего натворил в больнице. Это же из-за этой пернатой сволочи меня увольняют.

— Эх, Пивасик, Пивасик... — посмотрев на него, я укоризненно покачал головой. — Какая ты все-таки зараза.

— Я маленькая девочка, я в школу не хожу, купите мне сандалики, я замуж выхожу! — с глубокомысленным видом огрызнулся Пивасик и отвернулся.

И вот что с ними делать?

Везти на эти два дня Валеру и Пивасика в Казань было глупо, потому что я всю пятницу буду бегать и заниматься ими не смогу. Да и на субботу дел полно. На Танюху надежды мало, она в этом вопросе категорична.

Но и оставлять их здесь мне было не у кого. Что же делать? Я задумался.

Но найти выход так быстро не мог. Ладно, буду решать проблемы по мере их возникновения. В крайнем случае попрошу соседку. Хотя не очень мне нравился этот вариант, но тем не менее. Ну, по-соседски помочь должны, я же им не отказывал.

Я услышал звук подъезжающего грузовика, накинул куртку и выскочил наружу. Протянул Венере заявление и сказал:

— Завтра же вроде не должно быть много больных. Извините, я и сам в шоке.

— Да ничего. У нас у всех такие проблемы бывают, — вздохнула Венера.

И тут я взглянул на нее и сказал:

— Венера Эдуардовна, подскажите мне еще такую вещь. У меня котенок и попугайчик. Вы не знаете, кому здесь из соседей можно их оставить на денек, пока я смотаюсь туда-сюда? Впрочем, если я поеду в пятницу, то мне возвращаться в субботу как-то не с руки. Придется в воскресенье. Поэтому, получается, даже на два с половиной дня. Кто здесь нормальные соседи? А то я, кроме Смирновых, больше никого и не знаю особо.

— Да зачем вам соседи? — удивилась Венера. — Давайте сюда ваших котенка и попугайчика! Я сама заберу. А вы же все равно в понедельник будете в Чукше, вот и заберете обратно. И потом, вечером, будет ехать наша машина сюда, как раз отвезет вас вместе с вашими попугайчиками. — Она усмехнулась. — И мне дома на выходных будет веселее.

— Тогда подождете одну секундочку? — спросил я у нее, глядя при этом на водителя.

Тот хмыкнул в седой ус:

— Для нашего доктора все что угодно!

Я быстро метнулся, поймал упирающегося Валеру, сунул его в переноску. Затем закрыл клетку с Пивасиком и хотел уже выскочить, но потом вспомнил, что забыл корм, и начал его собирать. Впопыхах все рассыпал, но тем не менее часть удалось сложить. Я выскочил с зоопарком и их прибабасами и протянул все это добро Венере:

— Вот. Не тяжело вам будет?

— Котенок? Мне? Тяжело? — засмеялась она и покачала головой. — А корм зачем? Я что, дома проса для попугайчика не найду?

— Ну, чтобы вам не тратиться, — пожал плечами я.

— Корм брать не буду, — хихикнула она. — И творог у меня есть, и все остальное. Накормим мы ваших котят и попугайчиков, не беспокойтесь, Сергей Николаевич.

— Котенка зовут Валера, а попугайчика — Пивасик, — сказал я.

— Кто со мной, тот герой! Кто без меня, тот сопливая свинья! — свирепо заявил Пивасик и щелкнул клювом.

Венера и водитель захохотали.

— Какая прелесть! Мы точно подружимся! — хихикнула Венера.

Она помахала мне рукой, машина чихнула и уехала, а я остался у калитки один, осиротевший, без попугайчика и котенка.

Раз уж так все удачно сложилось, суп варить не стал, чтобы не тратить время на походы по магазинам. Да и вообще ничем не стал заниматься. Сразу же собрался и вызвал «Яндекс-такси». К моему счастью, машина подъехала буквально через пятнадцать минут, и через два часа я уже был в Казани.

Вылез в ставшем родным дворе, зашел в подъезд и быстро поднялся к себе на второй.

А когда попал в свою квартиру, улыбнулся. Здесь было тихо, спокойно. Я вздохнул — отвык уже от комфорта: все-таки теплый унитаз и возможность нормально принять ванну — это великое дело. Мы начинаем ценить комфорт, после того как его лишаемся.

Продукты у меня были в основном в консервированном виде и всякие крупы. Поэтому, чтобы не бегать по магазинам, я решил сварить кашу.

Но прежде всего вознамерился позвонить Танюхе и узнать, как там дела. Заходить к ней не стал, позвонил и спросил:

— Привет, Танюха, как дела?

— О, объявился, пропажа! — обрадовалась она. — А я типа сейчас сериал смотрю. Тупой-тупой, ужас прямо! Как там у тебя дела, Серый? Слушай, ты когда в Казань приедешь?

— Да я уже приехал, — сказал я.

— Да ты что? А че среди недели типа?

— Ой, долго рассказывать. Если в двух словах, то завтра у мамы операция с катарактой, надо отвести, поэтому и приехал.

— погоди! Так ты когда приехал? Я днем заходила типа вазон полить — тебя не было. И как это я не слышала и не видела?

— Ну, где-то минут двадцать назад, — сказал я.

— Так, Епиходов! Сиди на месте, никуда не уходи! Я через пять минут приду, — сказала она свирепым голосом и отбила вызов.

Ну ладно, сиди так сиди.

Я поставил чайник, переоделся в домашнее, включил ноутбук и принялся ждать Танюху. Буквально через две минуты — наврала, сказала за пять — она забежала ко мне с двумя кастрюльками.

— Вот, я же знаю, что ты приехал и сейчас типа готовить будешь. А я как раз сделала очень хорошее овощное рагу и жульены полезные. И обрати внимание, там ничего типа полезного нет. Они в основном овощные, — затараторила она. — Ну да, я из не очень полезного только типа сыру добавила. Но тебе стопудово понравится, вот увидишь. А еще я новый рецепт узнала...

По ней было видно, что она необыкновенно рада меня видеть.

— Тихо, тихо, Тань, пошли чай пить, — сказал я успокаивающим голосом. — От жульенов и рагу не откажусь. Голодный как собака. С работы пришел, не успел поесть, когда отец позвонил. И я быстро отправился сюда, поэтому вообще ничего не успел. Так что завтра мы с тобой еще в парк сбегает.

— Ура! — обрадовалась она. — А то я одна, как дурочка, бегаю, на меня все смотрят типа как на потерпевшую.

— Ну, теперь будут на нас вдвоем смотреть, — хмыкнул я.

Танюха прыснула от смеха.

Мы уселись за столом и принялись уплетать ароматное рагу. Танюха в кулинарии действительно была мастером на все руки. Одновременно мы болтали.

— И вот эта твоя Марина как пришла сюда! Как начала качать права! — взалхлеб хохотала Танюха. — Ты же не знаешь, что после этого она еще два раза приходила.

— Да ты что? — удивился я.

— Да, представь, прорывалась к тебе в квартиру. Я уже ей и постельное типа дала, даже тазик дала новый, ты представляешь? И все равно она все пыталась к тебе сюда попасть.

— А что ж ей еще надо было? — хмыкнул я.

— Ну, сказала, что там какую-то типа книжку надо. Но я не пустила. Сказала, что раз ты команды дать ей книжку не давал, то пустить я ее типа не могу. И вообще, может, ты эту книжку типа с собой забрал в Морки. Вот ей это капец как не понравилось. Но она вынуждена была уйти, — хихикнула Татьяна. — Так что хорошо, что ты мне ключи оставил, я так всех вот этих твоих алчных баб типа поразгоню.

Я вспомнил про Диану и усмехнулся — что-то давно она не звонила, не к добру это.

— Слушай, Серега, — сказала вдруг Танюха и посерьезнела. Правда, взгляд у нее при этом стал как у котика из «Шрека». — Ты не мог бы со Степкой типа сходить в эту его секцию?

— Когда? Во сколько?

— Вечером завтра, — поморщилась она, вспоминая. — В шесть. Там у них что-то типа открытого мата будет, я без понятия, что это такое. И, в общем, сказали, мелким пацанам будет полезно если не поучаствовать, то посмотреть. Вместе с родителями.

— Сходим, — одобрительно кивнул я.

Мы немного поболтали про Степкины дела в школе и на самбо, после чего Танюха спросила:

— Ну а у тебя как дела?

И меня вдруг как прорвало. Ее вопрос был настолько дружелюбным, теплым, что какой-то эмоциональный барьер, которым я отсекал все лишнее, враз рухнул, словно плотина. И я, взрослый мужик, начал взахлеб ей рассказывать про все те приключения, которые произошли со мной в Морках и в Чукше.

А когда дошел до рассказа о том, как меня сегодня уволила Александра Ивановна, Татьяна покачала головой и сказала:

— Плохо ты поступил, Серега.

— Что? — не понял я.

— Ну вот с Фроловой этой. Как ей без премии с тремя детьми? Ты, кстати, узнал, какой размер у ее ребенка? Сколько ему лет?

Я пожал плечами:

— Она только сказала, что трое детей и у младшенького обувь, по-моему, прохудилась.

Если не путаю.

— И на этом все? А младшенькому сколько?

— Не знаю.

— Ну так узнай! — фыркнула Танюха. — Там же... ты же сам сказал, что они все типа родня и все друг друга типа знают. Позвони кому-нибудь и спроси.

— А зачем? — сказал я.

— Ну как зачем? Если это младший, значит, он меньше моего Степки. От Степки столько барахла всякого осталось типа хорошего, плюс от хозяек тех домов, где я убираюсь. Они же типа раздают вещи, в том числе и детские. У меня этого барахла полно, оно уже в антресолях не помещается. Сейчас мы найдем ему сапожки. Че ты переживаешь? В конце концов, у меня подруг много, которые тоже типа клинингом занимаются, и у них тоже дети есть. Многие повзростали уже, а шмотье нормальное осталось. Для Морков твоих ваще шикардосно будет! Сейчас мы оденем этого ребенка. Звони давай!

Интересно, кому звонить? Венере? Ну, как-то неудобно.

Я подумал, подумал и позвонил Анатолию.

Глава 3

— Здравствуйте, Анатолий! — сказал я, когда он принял вызов.

Татьяна аж подобралась вся и умоляюще засемафорила глазами, мол, давай ставь на громкую связь. Но я сделал вид, что не понял.

— Дарова! — отозвался тот и спросил беспокойным голосом: — Случилось чего?

— Слушай, Анатолий, я хотел с тобой поговорить... — начал было я, но он перебил:

— Ты насчет того, что уезжаешь? Да, я слышал об этом. Все Морки гудят, что тебя Сашуля с работы выпнула. Но ты не переживай. Все равно тебе две недели еще отрабатывать, авось как-нибудь за это время ее получится переубедить. Там наши бабы уже собираются бунт поднимать.

— Да я не об этом... — начал было я, хотя последнее известие изрядно порадовало.

Но Анатолий опять перебил:

— А если насчет дома — так ты же оплатил месяц, так что живи. Я вообще за то, чтоб ты там подольше жил. Для меня хорошо, что там порядочный квартирант, а не те, что прежде...

И он пустился было в пространные рассуждения о том, какие были прежние жильцы, но тут уже я его перебил:

— погоди, Анатолий, я совсем по другому поводу звоню.

— А чегой? — заинтересовался тот.

— Я хотел спросить: ты же всех знаешь в Морках? В райбольнице, я имею в виду.

— Да я всех не то что в Морках, я всех и в Моркинском районе знаю, и даже во всем Марий Эл, — хихикнул Анатолий, но тут же перешел на деловой тон: — А кто тебя интересует?

— Да вот в больнице, в отделении интенсивной терапии, работает медсестрой одна женщина. Я, к сожалению, имени ее не знаю, а фамилия — Фролова.

— А, Польку знаю, — хмыкнул Анатолий. — Полина Илларионовна она. А что, понравилась? Она старше тебя лет на десять, так что подходит. У нас, у марийцев, традиционно испокон веков положено, чтобы жена старше была как минимум лет на пять–семь.

— Да нет, дело не в том... Понимаешь, тут такая история получилась... — начал было объяснять я, но тут Танюха, которая все равно прислушивалась к нашему разговору, резко наступила мне на ногу и сделала страшные глаза.

Поэтому я оборвал сам себя на полуслове и сказал:

— В общем, скажи, у нее же трое детей, да?

— Ну да. Васька старший, он уже в девятом классе учится. Олька в шестой перешла. А еще там совсем мелкий есть, Андрюшка, так он в первом классе учится. Но он совсем малой, просто рано в школу пошел, в шесть лет...

Услышав это, Танюха кивнула и легонько пихнула меня кулаком, мол, давай дальше спрашивай.

— Слушай, а размеры какие у них?

— Э-э, ну этого я тебе не скажу, — обалдел Анатолий. — Откуда ж я знаю такое? Мне вообще кажется, у детей размеров нет.

— Блин, что же делать? Мне надо срочно узнать их размеры.

— А зачем? — прицепился Анатолий.

Танюха поднесла кулак прямо к моим глазам, и я сказал уклончиво:

— Надо!

— Слушай, а ну-ка я тебе свою Ксюшку дам! Вот она все и обскажет.

— Какую Ксюшку? — не понял я.

— Да супругу мою, Ксюшку. Ты разве не знаешь? — так искренне удивился Анатолий, что я мысленно усмехнулся.

Откуда бы я мог ее знать? Пожав плечами, согласился:

— Давай.

Через некоторое время, видимо, Анатолий ходил искать свою Ксюшку по усадьбе, в трубке послышался осторожный женский голос:

— Да, я слушаю вас, Сергей Николаевич.

— Вы Ксения? Здравствуйте!

— Нет, я Оксана, — засмеялась она. — Но меня Ксюшкой все называют. Там Толян говорил, что вы размеры фроловских детей хотите узнать. А зачем? Понравилась Польшка?

Я чуть было не чертыхнулся, потому что, как говорится, муж и жена — одна сатана, мысли у них схожие. Но объяснять нюансы не хотел, поэтому ограничился кратким:

— Да нет, тут другой вопрос. Я потом приеду и все подробно расскажу.

— Да? — заинтересовалась Оксана. — Размеры их надо? А, ну это я легко скажу. Ее мелкий, Андрюха, учится с моей Валькой, дочкой. А старшие приходят к бабушке, она по соседству живет, так я их часто вижу. Ну, конечно, не тютелька в тютельку, но примерно скажу.

И она описала размеры детей.

Я сердечно поблагодарил, уверил Анатолия, что дома все хорошо, сказал, что я сейчас в Казани, буквально на два дня, мать надо отвести на операцию, и что скоро вернусь. Также попросил его заглянуть в дом и проверить, чтобы газовый котел работал нормально, потому что я его не отключал, чтобы там ничего не перемерзло, и наконец завершил вызов.

Уф-ф-ф. Вымотали меня оба: и Анатолий, и жена его. Такое впечатление, что разгрузил вагон с цементом. Я тоскливо окинул Танюху усталым взглядом.

— Ну что? — аж ерзяя от нетерпения, спросила она.

Я передал ей ту информацию, которую озвучила Оксана.

— Ну, на мелкого подберем, — задумчиво хмыкнула она, что-то прикидывая. — Да и на старших тоже. У меня у подружек как раз дети такого возраста, уже давно вымахали, так что отыщем.

Она заинтересованно начала щебетать, объясняя, какие именно сапожки, ботинки и прочие тапочки она найдет для этих детей.

— Все, Танюха, у меня уже голова кругом идет, — взмолился я. — Давай без вот этих нюансов.

— Ну хорошо. — Танюха немного обиделась, а потом спросила: — А уезжаешь ты когда?

— Да вот в воскресенье думаю. К вечеру.

— О, так у нас еще времени вагон! — просияла она. — Тогда не буду тебя задерживать и мучить. Завтра утром будем бегать, а вечером пойдешь в шесть с моим Степкой на его открытый мат или что у него там? Пойдешь же? Обещал!

— Да пойду, пойду, куда я денусь, — улыбнулся я.

На том и договорились.

Танюха ретировалась, а я перемыл посуду и отправился к ноутбуку. Серьезных писем по электронке не было. Да, я из Морков постоянно мониторил почту, но решил пойти к почтовому ящику, потому что за неделю могли прийти и какие-то платежки за коммуналку или еще что.

Спустившись, я обнаружил уведомление «Почты России» о заказном письме. Обычно приложение на телефоне само напоминало о таких вещах, однако после попадания в это тело я его так и не установил — было не до того. В итоге письмо провалялось на почте почти неделю, а я об этом даже не подозревал. Судя по штампу, срок хранения истекал послезавтра, так что откладывать визит было нельзя.

Вернувшись домой, я первым делом принял ванну, щедро сыпанув туда ароматической соли и какого-то смягчающего масла — ну, короче, все, что нашлось из мыльно-рыльной косметики. А потом долго-долго отмокал в горячей воде, релаксируя. Ароматная вода уносила все неприятности и давала мышцам такое необходимое расслабление.

Вымытый до скрипа, я выпил на ночь душистого травяного чая и наконец-то улегся в свою кроватку. Конечно, она была так себе: пружины кое-где продавлены, матрас не первой свежести, — но после убогого диванчика у Анатолия казалась просто королевским ложем. Впрочем, настоящее королевское ложе осталось в прошлой жизни: ручная работа итальянского краснодеревщика, матрас за полмиллиона — и все это теперь у Ирины. Впрочем, мне сейчас и так неплохо.

С такими мыслями я счастливо потянулся, свернулся калачиком, укрылся одеялком и прикрыл глаза, планируя провалиться в блаженный сон...

И вот только-только я начал засыпать, как из полудремы меня вырвал громкий собачий лай. От неожиданности я аж подскочил.

Не понял, откуда собака? Да, у меня были Валера и Пивасик, но они ночью вели себя нормально. Валера поначалу, конечно, мог немножко пошуршать, но после того, как я сделал ему замечание, как-то уяснил, что не надо себя так вести. А тут... — я глянул на часы — полпервого ночи, и собака лает не своим голосом.

Странно, у кого из соседей в подъезде есть собака? Вроде раньше не было.

Собака продолжала надрываться.

И чего она так завелась? Может, испугалась чего-то, потому что звук шел явно из-за стенки. Я развернулся на другой бок и накрыл ухо одеялом. Некоторое время ничего не происходило, я уже даже начал засыпать, и тут вдруг опять злобное, истошное тявканье раздалось за стенкой.

Да что ж такое?!

Я раздраженно встал, решив дать собаке время перебеситься и сходить попить воды.

Однако, когда я вернулся, псина не утомилась, продолжая истошно лаять и подвывать. Самое обидное, что я не мог понять, откуда идет звук. Прислушался — вроде как из-за стенки, от соседей, а вроде и нет. Надо мной, на третьем этаже, собаку точно не держат, и через стенку тоже.

Откуда же идет лай?

Ну ладно, будем считать, что такое испытание мне уготовано судьбой.

Вроде утихла. Я выдохнул, потянулся и опять лег в кровать. И тут все началось заново.

В общем, собака лаяла не замолкая где-то часов до трех ночи.

В конце концов я не выдержал, встал, оделся и вышел в подъезд. Псина продолжала где-то надрываться. Я постоял на своей площадке, но здесь лая не слышал, значит, это или ниже, или выше. Скорее всего, выше. Поднялся на третий этаж, и действительно, из квартиры, которая находилась надо мной, но по диагонали, раздавался истошный собачий ор.

Да что они там, бьют ее, что ли?!

Я не выдержал и постучал в дверь — хоть и три часа ночи, но так дальше нельзя. Тихо. Я опять постучал. Некоторое время ничего не происходило. Я стучал и стучал (потому что звонок был вырван с кнопкой), стучал и стучал. Через двадцать минут дверь наконец открылась, и на пороге появилась хмурая, заспанная женщина в наскоро накинутом махровом халате.

— Ты кто? Чего тебе? — недружелюбно сказала она.

Из глубин квартиры слышалось истошное тявканье.

— У вас собака лает, — сказал я.

— Ну, лает.

И тут на порог выскочила эта собака — маленькая, шароподобная, с острой злой мордочкой — явно шпиц.

К собакам я всегда относился хорошо — уж точно лучше, чем ко всяким жуликоватым котам и приبلудным дерзким попугаям. Ведь собаки, особенно хорошо воспитанные, честные, преданные, понятные.

Однако есть исключение: мелкие декоративные шавки с их вечным истерическим лаем. Психика у этих созданий настолько расшатанная, что малейший шорох за стеной превращает их в сирену, которую невозможно выключить. И ведь люди зачем-то заводят их в многоквартирных домах, обрекая на бессонницу и себя, и всех соседей.

С такой породой нужно возиться втрое больше, чем с нормальной собакой: постоянно выгуливать, не спускать с рук, разговаривать как с капризным ребенком. Стоит чуть ослабить внимание — и получаешь маленького невротичного монстра, который лает на все подряд просто потому, что настроение у него по умолчанию отвратительное.

«По-хорошему, таких шавок надо бы законодательно запретить, а владельцев — сажать! Пожизненно!» — кровожадно подумал я, гневно слушая тявканье этой мочалки.

— Угмоните свою собаку, — сказал я пока еще более-менее дипломатично.

— Че это? Это моя собака. Че ты тут раскомандовался? — фыркнула она.

— Ваша собака мешает мне спать, — пояснил я.

— Чем она тебе мешает? Она в моей квартире находится.

— Она лает, и я это все слышу. Не дает мне уснуть.

— Ну так не слушай, — пожалала плечами она. — А вообще, я знаю, что ты алкаш и идиот. Ты убил свою жену, трех пациентов и хотел убить Лейлу Хусаинову, — выпалила она злобно. — Так что вали давай отсюда! Иначе я сейчас вызову полицию и скажу, что ты на меня хотел напасть. В три часа ночи, маньяк! — заверещала она на весь подъезд и захлопнула дверь.

Я остался стоять и недоуменно смотреть на закрывшуюся прямо перед моим носом дверь.

Лай изнутри квартиры не прекращался.

Ну вот и что ты такой соседке скажешь?

Развернувшись, я вернулся к себе домой.

Что делать?

Покрутившись туда-сюда, я понял, что выспаться сегодня не смогу. А ведь мне предстоит очень много важных дел, среди которых операция Серегиной матери, ради чего я и приехал. А эта тварь мне выспаться точно не даст.

Поэтому, недолго думая, я взял матрас, подушку и одеяло и перенес все это дело на кухню, благо полы у меня были выдраены до хирургической чистоты (спасибо Танюхе).

Закрыв двери в комнату и на кухню, я облегченно выдохнул: здесь лай было практически не слышно. Подумав, ушанку надевать я все-таки не стал, а то была и такая мысль.

Еще немножко приоткрыл воду в кране. Она капала в умывальник, звонко щелкая, и вот под такой аккомпанемент, вместе с дрожанием холодильника создающий эффект белого шума, я уснул.

Вскочил от звонка будильника, хмурый и невыспавшийся, потому что мой отдых длился всего три часа двадцать минут. Система, активно прибавлявшая мне месяцы жизни все последние дни в Морках и Чукше за помощь людям, чистый воздух, долгие прогулки и прочие зарядки и водные процедуры, выписала грозное предупреждение: жизнь не сократилась, но от меня требовалось вернуть организму и мозгу долг и хорошо отоспаться сегодня.

Быстренько умывшись, я поразился тому, что собака так и не заткнулась. Да как ее хозяйка вообще спит при таких воплях? Может, привыкла. Или она в каких-то берушах? К сожалению, ничего с этим сделать нельзя.

Затем, мрачно выпив свой стакан теплой, почти горячей, чуть подсоленной и подкисленной лимонным соком воды, я слегка размялся, оделся и выскочил на улицу.

— Ну ты и засоня, — возмутилась Татьяна, которая уже замерзла, поджидая меня. — Если б знала, что ты такой, я бы тебя лично за ногу из квартиры вытащила. Хорош ты спать! Совсем ленивый в этой своей деревне стал!

— Извини, — покаялся я. — Я сильно опоздал?

— Ну, на двадцать минут, между прочим, — сердито сказала она и зябко поежилась.

— Так а чего ты меня не позвала?

— Да я все надеялась, что ты вот-вот спустишься. Обычно ты пунктуален. Что случилось?

— Ой, даже говорить смешно. Ты представляешь, всю ночь собака соседская лаяла. Не затыкаясь. Ты разве ее не слышишь?

— Так я живу на седьмом этаже. Конечно, я почти не слышу, хотя, когда она начинает прям сильно лаять, и до меня доносится. Но мне терпимо, я же типа в другой комнате, а Степке... ему все равно.

— А другие соседи разве не слышат?

— Ой, слышат они все. И ходили уже, и ругались с ней, и говорили — ни в какую.

— А что это за соседка, почему я ее не знаю? — возмутился я.

— Да наши Ивановы вышли на пенсию и уехали. Короче, купили себе в деревне домик, а квартиру решили сдавать. Как-никак капитальная прибавка к пенсии. И вот поселили сюда какую-то дурочку, а у нее три собаки, и вот одна такая уродская, — возмутилась Танюха. — И ничего, главное, ей не докажешь.

— А как же закон о тишине? — сказал я.

— Закон о тишине? Так мы спрашивали участкового, но там в законе отдельной позиции о лае собак нету, — развела руками Танюха. — Поэтому ничего с ними не сделаешь. А если там, например, пнуть эту собаку, то скорее хозяин тебя засудит за жестокое обращение с животными.

— Да уж, — вздохнул я.

Мы пробежались с Танюхой по парку и вернулись домой.

— Так ты зайдешь сегодня за нами вечером? — сказала она.

— Не за вами, а за Степкой, — ответил я. — Это мужской вопрос, и мы с ним ходим вдвоем.

Танюха хихикнула, явно довольная, что ей не придется идти и смотреть на все это.

А я вернулся к себе. Времени до похода к Серегиным родителям оставалось еще достаточно, можно было даже вздремнуть, но гадская собачка не затыкалась.

Я вышел в подъезд и позвонил к соседке Алле Викторовне. Она, разумеется, уже не спала и открыла дверь буквально сразу.

— О, Сережа, — улыбнулась она. — Как дела? Давно тебя не видно. Заходи, что-то случилось?

— Да нет, я буквально на минуточку, — сказал я, переступив порог. — Все хорошо. Работаю сейчас в Морках. Это райцентр в Марий Эл.

— А что так? Почему там? — охнула она и огорченно всплеснула руками.

— Да мне нужно для поступления в аспирантуру характеристику из деревенской больницы, — не стал вдаваться в подробности я. — Поэтому пока решил там поработать.

— В науку подался? — уважительно улыбнулась Алла Викторовна.

— Ну да, у меня склонность всегда была. И меня берут, вот только надо характеристику, — вздохнул я. — Но я не поэтому к вам зашел, Алла Викторовна. Посоветоваться хочу.

— Говори, — сказала она.

— Что у нас происходит в подъезде?

— А что? — сказала она. — Ну, там Альфия эта немножко чудит, вазоны везде порасставляла, а так-то все нормально. Да и с вазонами этими нормально. Наоборот, ухоженный подъезд стал, она сама все здесь моет. Раньше женщина приходила какая-то, убиралась, но она плохо оттирала, да и раз в месяц. А Альфия почти каждые три дня моет, так что мы все очень даже довольны. Она за это ни денег не просит, ничего. Говорит, миссия у нее такая. Ну, старушка на пенсии, делать нечего. Я вот в библиотеку хожу и на кружок вязания для пенсионе-

ров, а она, видимо, не хочет ничем таким заниматься, вот и развлекается, — пожала плечами Алла Викторовна.

— Нет, нет, я не по этому поводу, — сказал я. — Собака здесь живет. Всю ночь лает.

— Ой, какой это кошмар! — начала жаловаться Алла Викторовна. — Это Маргарита, как поселилась там, так она с этой собакой уже весь подъезд замучила. Мы и к участковому ходили, и жалобу писали, и Ивановым звонили.

— А они что?

— А ничего! Она им исправно деньги платит, пьянки не устраивает. А то, что собака лает, так у нас законов нет таких, которые запрещают домашних животных. Собака маленькая, не бойцовской породы, не кусается. Ну, как бы ничего сделать нельзя, а спать нам не дает — это да, — вздохнула она. — Я так мучилась сперва, а потом перешла спать в другую комнату. Поменяла зал и спальню местами. И сейчас там, где была спальня и где слышно собаку, не живу, а сплю в той комнате, где покойный муж обитал. Вот приходится так. Там, конечно, комната очень неудобная, но зато хоть спокойно, — вздохнула она.

— И что вы делать будете? Я-то через два дня уеду в Морки, там нормально, а вы что, терпеть собираетесь?

— Ой, даже не знаю, Сережа. — Она посмотрела на меня с надеждой. — Может, ты что-то придумаешь? Ты же умный!

Я вышел от нее в полной растерянности.

И вот что я придумаю?

Зашел к себе и начал готовить завтрак, но тут позвонил отец Сергея.

— Ну что, сынок, ты приехал?

— Да, я еще вчера приехал, — сказал я, подавив зевок. — Просто был очень сильно уставшим с дороги, сам понимаешь, поэтому не звонил. Сразу спать лег. Скоро приеду к вам.

— Хорошо, будем ждать, а то мама тут волнуется.

— Да, скажи ей, что ничего страшного, пусть не переживает. Кроме того, там с ней буду я — ничего ей ужасного не сделают.

— Ой, а давай ты сам ей это скажешь? Я трубку сейчас дам.

— Ну давай, — вздохнул я.

И следующие двадцать минут я уговаривал Веру Андреевну, что ничего страшного нет. В конце концов как-то убедить ее удалось. Я даже припугнул, сказав, что, раз она так боится, мы не пойдем ни на какую операцию. Пусть она ослепнет, я ей куплю белую тросточку, и она так будет ходить.

Только тогда она понуро сдалась, и я завершил разговор.

Как раз вскипел чайник, и я позавтракал остатками Танюхиных жульенов.

Но вопрос с собакой, которая все продолжала надрываться за стенкой, надо было решить. А как?

Все вот эти собачьи отпугиватели — они через стенку не действуют, потому что ультразвук через бетон не проходит. А больше вариантов нет. Не буду же я ей яд сыпать — не живо-дер ведь. Поговорить с этой женщиной тоже не получилось.

И вот как быть?

И тут меня осенило.

Я поднялся на этаж выше и позвонил в квартиру Брыжжака. Открыла дверь Альфия Ильясовна. При виде меня она обрадовалась и вся прямо расцвела улыбкой.

— Заходите, заходите, — засуетилась она.

Я зашел и спросил строгим голосом:

— Ну как тут?

— Все исполняю, — отрапортовала она. — Вазоны по всему подъезду расставила, мою, убираю, в квартире тоже все чищу. Все с крестным знаменем, все как положено. Бесы сюда не пройдут.

— Плохо ты охраняешь, — укоризненно сказал я. — Бес один таки поселился.

— Какой бес? — перепугалась она. — Я здесь все слежу, все чисто и хорошо.

— А вон в той квартире, в тридцать второй.

— А что там?

— Да собака эта, ты же слышишь — лает. Всю ночь лает. Бесы ее одолевают.

— Ой, да, лает, тварь такая! Я даже с Эдиком поменялась комнатами — он-то с работы приходит уставший, ему все равно, и сам храпит, так что ужас. А я спать из-за лая никак не могла. А когда поменялась, то хоть спать начала, только двери приходится закрывать, душно от этого, а ничего не поделаешь, зато хоть потише, — начала жаловаться она.

— Так вот, в эту собаку вселился бес. И твоя задача — от нее избавиться. Только не убивай. А лучше подумай, как бы эту соседку из нашего подъезда спровадить, — сказал я.

— Сделаю! — клятвенно пообещала она.

А я со спокойной душой, веря, что она уж точно теперь не даст спокойствия этой соседке, переоделся и пошел к родителям Сереги.

Потому что нам уже пора было идти на операцию.

Глава 4

Отцовская «семерка» завелась с третьей попытки, и это еще было удачей. Николай Семенович крутанул ключ, выждал, пока двигатель перестанет чихать, и только тогда тронулся, выворачивая из двора на улицу.

Я сидел сзади, рядом с Верой Андреевной. Она судорожно прижимала к себе сумку обеими руками, словно та могла куда-то деться, и не отрываясь смотрела в окно. А там было серое небо, дождь и лужи под колесами. Чудо советского автопрома подпрыгивало на каждой выбоине, печка гнала то холодный воздух, то обжигающий, а стекла запотевали быстрее, чем Николай Семенович успевал их протирать.

На светофоре у перекрестка он притормозил, и я увидел, как молодая женщина с коляской пытается перебраться через бордюр. Лужи были глубокими, грязь полно, коляска буксовала, а женщина дергала ее рывками, рискуя опрокинуть.

— Пап, постой секунду.

Я выскочил из машины, подхватил переднюю ось коляски и перекатил через бордюр. Женщина даже не успела ничего сказать — только благодарно кивнула, прижимая к себе край капюшона. Я кивнул в ответ и вернулся в машину, отряхиваясь от воды на одежде.

— Что там? — спросила Вера Андреевна.

— Ничего. Коляска застряла.

Николай Семенович посмотрел на меня внимательным взглядом, но никак не прокомментировал, и мы поехали дальше. Серегин отец молчал, сосредоточившись на дороге, хотя я видел, как он то и дело поглядывает в зеркало заднего вида — не на машины позади, а на Веру Андреевну, которая была готова вот-вот рухнуть в обморок. Но переживать ей было не о чем, ведь катаракта, то есть помутнение хрусталика, штука, которая рано или поздно случается почти с каждым, кто дожил до шестидесяти, и при этом почему-то пугает людей так, будто им собираются вынуть глаз целиком или вонзить этот лазер прямо в мозг.

Я понимал этот страх, хотя и не разделял его, ведь насмотрелся на операции куда серьезнее, чем замена помутневшей линзы на искусственную. Но для Веры Андреевны это было событием масштаба стихийного бедствия.

— Мам, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал буднично, — ты же понимаешь, что это одна из самых отработанных операций в мире? Фактоэмulsionификация делается уже лет сорок, технология отшлифована до блеска.

— Фако... что?

— Ультразвуком дробят старый хрусталик и вставляют новый. Разрез два миллиметра, швы не нужны, а через полчаса ты уже сидишь в кресле и пьешь чай.

Вера Андреевна недоверчиво покосилась на меня.

— А больно?

— Тебя прокапают каплями с анестетиком. Ты будешь все видеть, но размыто, как сквозь воду, и чувствовать только легкое давление. Никакой боли. Вообще.

Николай Семенович крякнул, не отрывая взгляда от дороги:

— Сынок, ты как будто сам глаза оперировал.

— Пап, да там делов-то, — отозвался я и немного слукавил: — Это самая простая операция в мире, может, даже проще, чем зуб удалить.

Клинику, к счастью, родители выбрали хорошую. Видимо, настолько мать Серегина переживала, что решили не экономить.

Внутри было тепло, светло, чисто и очень уютно. Огромный контраст с больницей в Морках, к сожалению. Даже за стойкой ресепшена стояла симпатичная улыбчивая девушка в фор-

менной блузке, за спиной которой мерцал аквариум с яркими рыбками и статусно зеленела пальма в кадучке.

Вера Андреевна инстинктивно прижала сумку крепче, а Николай Семенович настороженно огляделся, будто ждал подвоха от этого слишком уж чистого и дорогого места. Я прямо уловил логическую цепочку в его голове: слишком хорошо, значит, слишком дорого, значит, не по карману и мы здесь вообще лишние, не наш это уровень, сейчас на нас накричат и прогонят.

Я молча сжал его локоть, мол, все пучком, батя, и, широко улыбаясь, подошел к ресепшену.

— Доброе утро, — сказала девушка за стойкой. — На операцию? Фамилия?

— Епиходова, — ответил я. — Вера Андреевна. Десять утра, катаракта, правый глаз.

Девушка застучала по клавиатуре.

— Все верно. Паспорт, договор, результаты обследования, пожалуйста.

Я выложил папку на стойку, мысленно перепроверив содержимое, дома у родителей я лично просмотрел все бумаги: анализы, заключение офтальмолога, ЭКГ, справку от терапевта.

Вера Андреевна достала паспорт медленно, будто нехотя, и пальцы у нее сильно дрожали. Николай Семенович стоял рядом, заложив руки за спину, и почему-то крайне неодобрительно смотрел на администратора.

— Аллергии на лекарственные препараты нет? — спросила девушка.

— Нет, — ответила Серегина мать.

— Давление?

— Бывает повышенное, сто сорок на девяносто иногда.

— Сахарный диабет?

— Нет.

— Контактные линзы носите?

— Очки только.

Девушка кивнула, поставила галочки в какой-то форме и распечатала несколько листов.

— Здесь и здесь подпишите, пожалуйста. Согласие на операцию, согласие на анестезию, информированное согласие о возможных рисках.

Вера Андреевна взяла ручку и замерла, с подозрением глядя на текст мелким шрифтом.

— Что тут написано? — спросила она тихо.

Я наклонился к ее уху:

— Стандартные формулировки, мам. Что ты ознакомлена с процедурой и согласна. Ничего страшного.

Она подписала все три листа, и рука дрогнула только на последней странице.

Девушка выдала бахилы и указала на диваны в зоне ожидания:

— Присаживайтесь. Вас пригласят.

Диваны были мягкие, обтянутые чем-то, похожим на замшу, но сидеть на них было неудобно. Нет, не потому что они были плохо сделаны, а потому, что, когда ждешь чего-то, ерзаешь даже на самой комфортной мебели.

Вера Андреевна села, сложив руки на коленях, а Николай Семенович устроился рядом — ближе, чем обычно, не обнимая, но и не отодвигаясь. Я занял место напротив, чтобы видеть их обоих.

— Ну что, мам, скоро уже, — сказал я успокаивающим голосом.

— Да, да. — Она кивнула, но смотрела мимо меня, куда-то в сторону коридора, откуда должны были позвать. — Скоро.

Николай Семенович потер ладони. Казалось, он переживает больше матери.

— Воды хочешь? — спросил он Веру Андреевну.

— Нет.

— Может, чаю?

— Нельзя же перед операцией.

— А, точно.

Он замолчал, но через секунду спросил снова:

— Капли взяла?

— Взяла.

— Паспорт на месте?

— На месте, Коля. Ты уже спрашивал.

Я смотрел на них и думал о том, как странно устроена человеческая психика. Катаракта — это рутина: миллионы операций в год по всему миру, осложнения редки, результаты предсказуемы, а технология доведена до совершенства. Но для человека, который лежит на столе, никакая статистика не работает — есть только он, его глаз и чужие руки с инструментами.

Вера Андреевна не знала — и слава богу, — что на самом деле происходит при факто-эмульсификации. Что хирург делает микроразрез в роговице, вводит через него тонкий нако-нечник ультразвукового аппарата и буквально разбивает помутневший хрусталик в кашицу. Что эту кашицу отсасывают вакуумом, а на место удаленного хрусталика вводят свернутую в трубочку искусственную линзу, которая сама разворачивается внутри глаза и занимает нужное положение. Что все это происходит при полном сознании пациента, который видит яркий свет и цветные пятна, но не может разглядеть инструменты.

Знала бы — возможно, не боялась бы. А может, наоборот, боялась бы еще больше. Тут не угадаешь.

Прошло десять минут, потом пятнадцать. Вера Андреевна перебирала пальцами край сумки, Николай Семенович смотрел то на дверь, то в пол, а я спокойно изучал последние новости в мире науки и медицины.

Еще через пять минут открылась дверь в коридор, и оттуда вышла медсестра в зеленом хирургическом костюме.

— Епиходова Вера Андреевна?

Серегина мать вздрогнула и встала — резко, будто ее подбросило.

— Я.

— Пройдемте, пожалуйста.

Мы с Николаем Семеновичем тоже поднялись и переглянулись.

— Сопровождающие остаются здесь, — сказала медсестра мягко, но твердо. — Пациент проходит один.

Вера Андреевна обернулась. В ее глазах было то, что я видел у десятков пациентов перед операциями: смесь страха, смирения и облегчения, что наконец-то скоро все закончится.

— Все будет хорошо, мам, — сказал я. — Через полчаса увидимся.

Она кивнула, а Николай Семенович шагнул к ней и коснулся плеча.

— Потерпи, Верочка, — сказал он. — Это быстро.

Вера Андреевна улыбнулась — криво, неуверенно, губы ее дрожали — и пошла за медсестрой. Дверь за ними закрылась, и мы с отцом остались вдвоем в зоне ожидания.

Николай Семенович сел обратно на диван, я — рядом с ним, и несколько минут мы провели в тишине.

Мимо прошла пара: мужчина лет сорока вел женщину с повязкой на глазу, она улыбалась, а он придерживал ее под локоть. Я проводил их взглядом и подумал: через полчаса мы будем выглядеть так же.

— Долго они там возятся, — нервно сказал Николай Семенович минут через пять. — Ты говорил, быстро будет.

— Но это правда быстро, пап. Двадцать минут сама операция, плюс подготовка.

Он кивнул, но по лицу было видно, что не верит. Для него любое время без супруги — вечность, это я уже понял. Всю жизнь вместе, и это, конечно, кольнуло мне сердце. Хотел

бы и я так с Беллой. До самой смерти вместе чтобы... А ведь скоро мне ехать в Москву на годовщину ее смерти.

Взгрустнулось, и, чтобы отвлечься, я достал телефон и открыл было браузер, но тут же закрыл — читать не хотелось, думать тоже, хотелось только одного: чтобы открылась дверь и вышла медсестра со словами «все прошло успешно».

— Сынок, — сказал вдруг Николай Семенович.

— Да?

— Ты хорошо сделал, что приехал.

Я посмотрел на него, но он отвернулся, избегая моего взгляда.

— Мать места себе не находила, а тут ты позвонил, сказал — приеду, отвезу. Она сразу успокоилась.

— Да что там, пап. Нормально.

— Нормально. — Он хмыкнул. — Раньше ты бы и не приехал, просто сказал бы, мол, сами справитесь.

Я промолчал, потому что он был прав. Прошлый Серега не приехал бы, играл бы в карты в притоне Михалыча или гужбанил с Костяном и его веселыми девочками, отмахиваясь от родительских звонков. А если бы даже приехал, то с похмелья, злой, раздраженный, и Вера Андреевна нервничала бы еще больше.

— Я изменился, пап, — сказал я. — Повзрослел наконец-то, наверное.

— Вижу. — Он помолчал, а потом добавил совсем тихо: — Спасибо.

Я не нашелся, что ответить, и просто кивнул.

Прошло еще десять минут, прежде чем дверь вдруг открылась и вышла та же медсестра.

— Родственники Епиходовой?

Мы оба вскочили.

— Операция прошла успешно. Пациентка сейчас в комнате восстановления, отдыхает. Минут через двадцать сможете ее забрать.

Николай Семенович выдохнул так, будто держал воздух все это время, и я почувствовал, как отпускает напряжение в плечах, которого даже не замечал.

— Спасибо, — сказал я.

Медсестра кивнула и ушла.

Мы снова сели, но теперь было легче: диван стал мягче, свет теплее, даже рыбки в аквариуме, казалось, начали плавать довольно-таки бодренько.

— Ну вот, — сказал Николай Семенович. — А ты говорил — быстро.

— Так и было быстро, пап. Сорок минут.

— Сорок минут, надо же. — Он покачал головой. — Как целый день.

Я не стал спорить. Для него — да, целый день.

Вскоре нас пустили в комнату восстановления к матери. Вера Андреевна сидела в кресле, откинувшись на спинку: на правом глазу прозрачный пластиковый щиток, закрепленный пластырем, лицо бледное. Улыбалась осторожно, одним уголком рта, будто боялась, что, если улыбнется шире, что-то сдвинется.

— Ну вот, — сказала она чуть растерянно. — Жива.

Голос был тоньше и слабее, чем обычно.

— Как ты, мам?

— Нормально. Свет яркий очень, и голова кружится немного.

— Это пройдет. Тебе капали «Мидриатик», зрачок расширен, поэтому все такое яркое.

Она посмотрела на меня здоровым глазом — левым, который тоже уже видел неважно, но все же лучше, чем правый до операции.

Николай Семенович, который зашел после меня, сразу шагнул к Вере Андреевне, наклонился и взял ее руку.

— Ну что, мать? Живая?

— Живая, Коля.

Он кивнул, ничего больше не сказал, но и руку ее не отпустил.

Медсестра дала мне лист с рекомендациями. Я пробежал глазами: капли три раза в день, антибактериальные и противовоспалительные, не тереть глаз, не наклоняться вниз головой, не поднимать тяжести, спать на левом боку или на спине, а на следующий день — контрольный осмотр. Я сфотографировал лист на телефон на всякий случай, вдруг родители потеряют.

В соседнем кресле сидела пожилая женщина, тоже с прозрачным щитком на глазу, а рядом с ней — муж, сухонький старичок в вязаном свитере. Он держал ее за руку и что-то тихо говорил, а она улыбалась, кивая.

Старичок заметил меня и вдруг обратился:

— Молодой человек, простите. Не сфотографируете нас?

Он протянул мне телефон.

— Конечно.

— Первое фото с новыми глазами, — пояснил он, усаживаясь рядом с женой, и похвастался: — Пятьдесят два года вместе!

Я показал ему большой палец, улыбнулся и навел камеру. Они сидели, прижавшись друг к другу: она с повязкой, он с морщинами и добрыми глазами. Оба улыбались.

Щелкнув, проверил снимок: получилось хорошо.

— Спасибо, сынок, — сказал старичок, забирая телефон. — Дай бог и тебе так же.

Я кивнул и отвернулся, чувствуя, как что-то снова сжалось в груди. Вот она причина, почему я за все это время в новом теле так толком ни с кем и не сблизился! Уж больно планка высоко задрана.

Тем временем мать Сереги окончательно воспряла и спросила:

— Можно одеваться?

— Да, сейчас поможем, — ответила медсестра.

У стойки ресепшена я расплатился, хотя отец настаивал, что они разберутся сами. Пока я ждал чек, Николай Семенович стоял рядом с Верой Андреевной, придерживая ее под локоть, а она говорила, что может идти сама.

— Чек сохраните, — сказала администратор. — На контрольный осмотр запись автоматическая, вам придет сообщение. И плюс потом можно будет оформить налоговый вычет.

Я кивнул и убрал чек в папку. Вера Андреевна медленно надела куртку, а Николай Семенович, который сутился вокруг, застегнул ей молнию.

Двери клиники раздвинулись, и в лицо ударил влажный холод. С неба сыпалась противная морось, асфальт блестел от влаги, а редкие прохожие прятались в капюшоны.

Вера Андреевна прищурилась здоровым глазом — правый был закрыт щитком, и мир для нее сейчас был перекошенным, плоским, неудобным.

— Осторожно, мам. Скользко.

Я взял ее под локоть с одной стороны, Николай Семенович — с другой, и мы повели ее к машине медленно, будто по льду, хотя там был просто мокрый асфальт.

Отцовская «семерка» завелась с первой попытки — видимо, еще не успела остыть.

Я помог Вере Андреевне устроиться сзади, пристегнул ремень так, чтобы не давил на шею, и сел рядом. Николай Семенович занял водительское место, включил печку на максимум, и вскоре в салоне стало душно, но никто не жаловался. Казань, город, который становился мне все ближе, тек за стеклом.

Вера Андреевна молчала первые минуты, прислушиваясь к себе, а потом сказала:

— Как будто песок в глазу.

— Это нормально, мам. Роговица раздражена после вмешательства, пройдет за пару дней.

— А видеть когда буду?

— Уже сегодня начнешь замечать разницу. Полностью стабилизируется за две–три недели, но первые дни будет ощущение, что все слишком яркое, контрастное. Мозг постепенно привыкнет.

Николай Семенович вел аккуратно, объезжая выбоины и плавно тормозя. Обычно он ругался на пробки и подрезающих, но сейчас молчал, сосредоточившись на дороге.

— Сереж, — сказала Вера Андреевна вдруг. — А почему я раньше ждала, мучилась? Врачи говорили — рано еще, пусть созреет.

— Мам, это устаревший подход, — вздохнул я. — Лет тридцать назад действительно ждали, пока катаракта «созреет», потому что техника была другая. Тогда хрусталик удаляли целиком, через большой разрез, и чем плотнее он становился, тем проще было его извлечь.

— А сейчас?

— Сейчас наоборот. Чем раньше оперируешь, тем лучше. Мягкий хрусталик легче раздробить ультразвуком, меньше нагрузка на глаз, быстрее восстановление. Перезревшая катаракта — это риск осложнений.

Вера Андреевна помолчала.

— То есть я зря тянула?

— Не зря. Просто тебе давали устаревшие рекомендации, и такое у нас везде — многие врачи в поликлиниках до сих пор работают по старым протоколам.

Николай Семенович хмыкнул:

— Вот поэтому мы и решили в платную.

— Правильно сделали, — согласился я.

Вера Андреевна закрыла здоровый глаз и откинулась на подголовник — лицо у нее было усталое, но спокойное, потому что страх ушел и осталась только послеоперационная слабость.

— Спасибо, сынок, — сказала она тихо.

— Да брось, мам. Главное — капли по расписанию и не тереть.

— Не буду.

Дома у родителей я включил свет в прихожей и тут же выключил — слишком яркий оказался для Веры Андреевны.

— Настольную включу в комнате, — сказал я. — Так мягче будет.

Вера Андреевна сняла обувь, разделась и села в кресло, а Николай Семенович засуетился, принося ей подушку, плед и стакан воды.

— Может, чаю?

— Потом, Коля. Полежу немного.

Я достал из пакета капли и пробежал глазами инструкцию.

— Мам, первый раз нужно закапать сейчас. Давай помогу.

— Сама справлюсь.

— Мам. Ты одним глазом видишь. Я закапаю.

Она не стала спорить и, откинув голову, замерла. Я осторожно приподнял защитный щиток — под ним глаз был красноватый, припухший, но это нормально, — и закапал в уголок.

— Щиплет, — сказала Вера Андреевна.

— Знаю. Потерпи.

Она поморгала и осторожно прикрыла веко, а я вернул щиток на место.

— Теперь отдыхай. Через четыре часа — еще раз.

— Спасибо, сынок.

Николай Семенович, который наконец успокоился и сейчас стоял в дверях и смотрел на нас, вдруг спросил:

— Сереж, ты не голоден?

И я понял, что действительно голоден, потому что сколько тех жульенов оставалось? Так, червячка заморить.

— Голоден! — бодро заявил я. — Что там у вас есть?

— Борщ вчерашний, как ты любишь. Мать, как узнала, что ты приедешь, сразу начала готовить. Голубцы еще есть. Хочешь?

— Хочу!

Пока мы с отцом разогревали еду, Вера Андреевна задремала в кресле, но потом присо-единилась к нам, и мы пообедали втроем вкуснейшим наваристым борщом и сочными голуб-цами. Она ела осторожно, не наклоняя голову, как я и велел.

А потом я засобирался, потому что родителям нужно было отдохнуть. Ночью из-за пере-живаний оба спали так себе. Впрочем, как и я, но я из-за дурацкой соседской собаки.

— На контрольный осмотр завтра я, наверное, вас не повезу, — сказал я, обуваясь. — Дела. Сами сможете?

— Доберемся, — ответил Николай Семенович. — Не маленькие.

— Ага. Охотно верю, батя. Все будет хорошо.

Он хмыкнул, но спорить не стал.

А я, выяснив, что Наиль на работе, отправился в девятую городскую больницу. Пора было выяснить, что за козни против меня строят Алиса Олеговна с мужем Виталиком и кто убил невесту Сереги.

Глава 5

Мы договорились встретиться с Наилем через полчаса, причем меня изрядно позабавил тот факт, что место он выбрал довольно-таки для меня значимое — ту самую пиццерию напротив больницы. Видимо, не только мне эта точка казалась удобной. Ну что ж, пиццерия так пиццерия. Конечно, я рисковал там столкнуться со своими бывшими сослуживцами, но тем не менее место это общественное, и находиться там уволенным сотрудникам не запрещено.

И вот я отправился туда.

Пришел чуть раньше, Наиля еще не было. И тут я обнаружил, что свободный столик оказался только у окна — то есть именно тот, за которым мы встречались с Дианой.

Ну что ж, видимо, судьба.

Только я сел, как ко мне сразу же подбежала официантка.

— Что будете заказывать? — спросила она.

— Зеленый чай, пожалуйста.

— А что-нибудь посущественней? — Она кокетливо улынулась и подсунула увесистое меню. — Может, пиццу или бургеры, или...

Она начала перечислять весь этот пищевой ширпотреб, но я ее перебил:

— Нет-нет, спасибо, мне только зеленый чай.

Официантка поджала губы и зыркнула на меня неодобрительно, мол, фу, нищесброд, даже на пиццу денег нету. А я как раз был одет очень просто, без всяких там брендовых нашлапок, поскольку мотался целый день по городу. И вполне понимал, почему она отреагировала. Ну что ж, не котируюсь я в глазах местных официанток, ничего тут не поделаешь. Как-нибудь переживу.

Через минуту принесли чайничек и чашку, поставили передо мной, и теперь я сидел, потягивая не очень вкусный чай, отдающий веником и старой подошвой, и поглядывал в окно. К моему разочарованию, никто из бывших сотрудников из ворот больницы не вышел. Так, сновали туда-сюда пациенты, какие-то женщины с колясками, привезли старика на каталке, еще один мужик на костылях ковылял в сторону выхода... В общем, обычная размеренная жизнь любой среднестатистической городской больницы.

Я отхлебнул чая, поморщился от мерзкого вкуса, и задумался: интересно, чем меня порадует или огорчит Наиль? Да, поговорим о тайне жены Сергея, без этого никак. Но меня сейчас гораздо больше интересовала Алиса Олеговна — уж слишком я на эти деньги рассчитывал.

— Здравствуйте, Сергей Николаевич. — Буквально через миг передо мной возник Наиль, а я даже не заметил, как он зашел, хотя сидел-то лицом ко входу.

— А как это ты попал внутрь так, что я и не заметил? — удивился я.

— Да вон оттуда, — махнул он рукой. — Там сейчас от веранды сделали новый вход, поэтому я прямо с улицы и зашел.

— Понятно, — кивнул я. — Как там дела? Рассказывай.

— Вы же не собирались в Казань, — с намеком хмыкнул он, давая понять, что понимает, насколько важной оказалась его информация, раз я все бросил и прискакал.

— У меня у матери сегодня операция была, — разочаровал я его. — Поэтому пришлось срочно взять отгулы и приехать. Заодно решил и с тобой встретиться. Так что рассказывай, что там да как.

— С какого вопроса начать? — поморщился Наиль. — По поводу смерти вашей жены и сына? Или по Алисе Олеговне?

— Начни с Алисы Олеговны, — сказал я и, заметив его удивление, поправился: — Насчет Наташи с сыном я в принципе и так все знаю, ты просто подтвердишь мои подозрения. А вот с Алисой Олеговной надо разбираться здесь и сейчас, причем срочно. Так что рассказывай.

Наиль с усилием подавил гримасу удивления и начал:

— Да что там говорить, у меня же в ее компании друзья остались. — Он многозначительно посмотрел на меня.

А я еще раз подивился, насколько коллектив у Алисы Олеговны нелояльный и может предать, грубо говоря, за кусок колбасы.

— Ну и вот, мне мои девочки шепнули, что Николь со скандалом выгнала Виталия Аркадьевича. Короче говоря, он там посидел один, без денег, без ничего и начал забрасывать Алису Олеговну цветами, подарками и вниманием. Ну и понятно, что, когда количество перешло в качество, она дрогнула, и чета престарелых голубков воссоединилась. — Наиль зло хохотнул. — А для того, чтобы укрепить этот союз, они выдумали себе врага, а именно, вас, Сергей Николаевич. Алиса Олеговна сказала мужу, что это вы ее научили и подтолкнули, чтобы она вот так все сделала. А Виталик не может простить, что вы умыкнули одиннадцать процентов. Просто сейчас это очень большие деньги. Тем более буквально на прошлой неделе они через своего посредника вышли на аукцион «Кристис» — выставили коллекцию русского авангарда, и деньги там крутятся немалые, поэтому одиннадцать процентов теперь уж слишком много.

— А что она конкретно хочет?

— Переписать их на своего мужа и опять ввести его в совет директоров.

— Ну ничего себе, — покачал головой я. — Ладно, это понятно. А дальше что?

— Ничего хорошего, — развел руками Наиль. — Она будет подавать на вас в суд за мошенничество, уже документы готовит. Там целый кагал юристов подключили.

Блин, только этого не хватало! Едва все начало налаживаться, как замаячил процесс за мошенничество. Но тем не менее виду я не подал, хмыкнул и сказал:

— Эх. Бабы, они такие бабы. Особенно такие... Вроде умная, бизнес-леди, а в обычных житейских вопросах... — И печально вздохнул, что и сам такой же. Надеюсь, был.

— Это да, лебединая песня немолодой женщины и наивная вера в любовь, — согласно кивнул Наиль и посмотрел на меня. — Что дальше? По поводу Наташи с сыном рассказывать? Я уставился на него немигающим взглядом и кивнул.

— Мельник, — сказал он. — Точнее, сын Мельника. Говорят, что он причастен.

— Есть доказательства?

— К сожалению, нет, — вздохнул Наиль. — Дело в том, что те документы, которые были в архиве, вдруг исчезли. Ну, это вы лучше меня знаете, должен быть журнал записей пациентов: кто делал диагноз, кто отдавал распоряжение об операции, всякое такое. В общем, там стояла подпись Мельника-старшего. Но когда я решил все это дело сфотографировать, журналов уже не было.

— Понятно, — пробормотал я.

Значит, Мельник почувал слезку или заметил, что Наиль копает, и решил подстраховаться. Паша Мельник. Вот, значит, кто убил Наташу и моего нерожденного сына. Я это запомню.

— А дальше что, Сергей Николаевич? — спросил меня Наиль. — На этой работе зарплата — три копейки, я не привык за такие деньги скальвать. А они увидели, что я хорошо шарю в юриспруденции, и сейчас на меня наваливают все, что там есть. В этой больнице очень много всяких... делишек творится, поэтому сижу сейчас как на пороховой бочке. Долго мне еще там куковать? Что вы скажете?

— А ты уверен, что хочешь дальше со мной? — удивился я. — Я понимаю, когда Алиса Олеговна тебя выгнала и ты искал тихую пристань, это ясно. Но ведь сейчас, когда ее муженек вернулся, он же тебя примет с распростертыми объятиями. Такую верность ценить надо.

— Я бы мог, — кивнул Наиль, потом замаялся, поморщился и выдал, словно в ледяную воду ухнул: — Но с вами перспективнее, Сергей Николаевич.

— Со мной? — Я чуть зеленым чаем не захлебнулся. — Наиль, я работаю в деревенской амбулатории на четверть ставки. Это ты так шутишь?

— Не шучу, — покачал головой Наиль. — Я чувую, что вы не просто так там работаете. И кроме того, Караяннис тоже с кем попало дружбу не заводит. А о нем...

Он замялся, и я хмыкнул:

— Что «о нем»?

— Это же Артур Давидович, о нем же легенды ходят! — с придыханием проговорил он. — А вы с ним, Сергей Николаевич, явно на короткой ноге.

— У нас не дружба... — начал я, но Наиль скептически рассмеялся:

— Да, конечно!

— Ладно, скажу так, — задумался я. — Посиди в больнице еще до конца месяца, побудь там, как раз расчет получишь, заодно вдруг еще что узнаешь. А потом есть у меня для тебя одно дельце, но, к сожалению, тебе придется из Казани переехать в другое место.

— В какое? — вскинулся Наиль.

— В Морки, — сказал я. — Это в Марий Эл.

— А что там?

— Вот когда время подойдет, я тебе позвоню и все расскажу, — хмыкнул я и взглянул на часы.

Ох е... Уже половина шестого! Если сейчас не выйду, опоздаю на открытый мат к Степке, Танюха мне этого не простит.

— Извини, Наиль, мне сына соседки на самбо вести надо, — сказал я, поднимаясь. — Обещал. До связи.

Юрист проводил меня взглядом, в котором читалось любопытство. Он явно не понимал, почему я, которого только что огорошили судебным иском и новостью об убийце жены, спокойно иду вести чужого ребенка в секцию. Но в том-то и штука: жизнь не ставится на паузу из-за проблем. Наоборот, именно в такие моменты важно не терять связь с простыми, понятными вещами.

Степка ждал. А Паша Мельник никуда не денется.

До дома я добрался на такси, предварительно связавшись с Танюхой и сказав, что подъезжаю. Степка уже ждал меня у подъезда — в расстегнутой куртке, с рюкзаком наперевес, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

— Дядя Сережа! — Он подскочил ко мне, едва я вышел из такси. — Сегодня открытый ковер! Тренер сказал, можно родителям смотреть!

— В курсе, — улыбнулся я, разглядывая его и отмечая развитие.

За то короткое время, что Степка ходил на самбо, в нем что-то неуловимо изменилось. Нет, он по-прежнему оставался худощавым и лопухим, но теперь держал спину чуть ровнее, а взгляд стал увереннее. Впрочем, может, мне просто хотелось так думать.

— А ты будешь бороться, дядь Сереж? — с надеждой спросил он.

— Я буду смотреть, как ты борешься, — уклончиво ответил я.

— Но тренер сказал, что взрослые тоже могут попробовать! — не унимался Степка. — Там будет открытый ковер для всех!

Я промолчал, потому что объяснять семилетнему ребенку, что мне сейчас не до спортивных подвигов, было бессмысленно. В голове все еще крутился разговор с Наилем: Паша Мельник, иск за мошенничество, исчезнувшие документы...

Но Степка смотрел на меня с такой надеждой, что я просто кивнул и сказал:

— Посмотрим, Степан.

Быстрым шагом добравшись до спорткомплекса, мы спустились в полуподвал, где располагался зал номер три. Как и раньше, в нос ударил специфический запах пыли, резины и мужского пота, едва мы переступили порог.

Зал был все тот же, и все так же большую часть пола занимало татами из сине-красных матов, а вдоль стен висели грамоты и фотографии борцов. Музыкальный центр в углу негромко играл что-то бодрое и энергичное.

Вдоль стены уже сидели родители — в основном мамы, хотя попадались и отцы. Детей было человек пятнадцать, и все они носились по залу, пока тренер, Ильдар Ринатович, раскладывал какие-то дополнительные маты.

— Здравствуй, Ильдар, — сказал я, подходя. Мы перешли на ты еще в прошлый раз, когда я помогал Дамиру. — Как дела?

Тренер обернулся и кивнул:

— О, Сергей! Давно тебя не было видно. Решил поучаствовать в открытом ковре? — Он подмигнул. — Здорово, что пришел. А то мало ли...

Я проследил за его взглядом и увидел темноволосого мальчишку лет десяти, который как раз заметил меня и радостно замахал рукой. Это был Дамир, который вывихнул ногу на первой тренировке Степки.

— Привет, Дамир, — сказал я. — Как нога?

— Супер! Почти не болит! Вот, наконец-то снова могу тренироваться. — Он повернулся к Степке, который подошел следом. — Это твой дядя, да? Который доктор?

Степка кивнул с гордостью:

— Ага. Дядя Сережа. Он очень хороший.

— Знаю, — серьезно сказал Дамир. — Он же мне ногу спас!

Я хотел было возразить, что никакую ногу не спасал, а всего лишь оказал первую помощь, но Дамир уже переключился на Степку:

— Слушай, ты сегодня со мной в пару вставай, ладно? Я тебе покажу, как правильно бросок делать. А то ты в прошлый раз чуть не убился.

— Я не убился! — возмутился Степка.

— Почти убился, — авторитетно заявил Дамир. — Ладно, пошли разминаться.

И они убежали вместе — худощавый семилетний Степка и более крепкий десятилетний Дамир. Я смотрел на них и думал, что иногда жизнь сама расставляет все по местам. Степке нужен был старший товарищ в секции, кто-то, кто будет присматривать за ним и помогать. И вот он появился.

— Хороший пацан Дамирка, — словно прочитав мои мысли, сказал Ильдар Ринатович, с интересом слушавший нас. — С характером, но справедливый. Степана твоего не обидит, наоборот, под крыло возьмет.

— Вижу, — согласился я.

Кивнув мне, Ильдар Ринатович прокричал на весь зал:

— Построение через две минуты! Кто не переоделся — бегом!

Следующие полчаса я наблюдал за разминкой. Дети бегали, прыгали, кувыркались, падали на маты — и все это под непрерывные команды тренера: «Спина — хлопок! Подбородок прижали! Кто стучит головой — отжимается!»

Степка старался изо всех сил, и я с удовольствием отметил, что падает он уже вполне прилично — группируется, не боится татами. А рядом с ним постоянно маячил Дамир, который то поправлял ему руку, то показывал, как правильно группироваться.

А потом началось самое интересное.

— Взрослые! — громко объявил Ильдар Ринатович. — Кто хочет попробовать — выходите на ковер. Работаем по минуте-полторы, без болевых. Контроль, перевод, удержание. Помним: самбо — это не драка. Цель не навредить, а победить через контроль.

Несколько мужиков из числа родителей переглянулись. Один — плотный дядька в спортивных штанах — решительно шагнул вперед. За ним потянулись еще двое.

Степка вдруг оказался рядом со мной и дернул за рукав:

— Дядя Сережа, иди!

— Степ, я без формы.

— Тренер разрешает без куртки! Там Витькин папа тоже без куртки!

Я посмотрел на «Витькиного папу» — тот и правда был в обычной футболке — и почувствовал, как где-то в глубине шевельнулось что-то странное. Не азарт, нет. Скорее... любопытство. Тело помнило непонятно от кого взявшиеся умения и сейчас жаждало пустить их в ход.

— Ладно, — сказал я и поднялся.

Ильдар Ринатович заметил мое движение и усмехнулся.

— О, решился все-таки, Сергей? — Он кивнул одобрительно. — Я же говорил — приходи на взрослую группу. Ты тогда на ковер вышел — движения у тебя наши, борцовские. Мышечная память она такая, никуда не девается.

— Самбовки нет, — сказал я вместо ответа.

— Без куртки поработаешь. Только без фанатизма, Серега, — полезешь в силовую, сниму.

Я хотел пожать плечами, удивленный его ожиданиями, но вместо этого просто кивнул и вышел на татами. Ильдар Ринатович перезнакомил нас, разбил на пары, и под оживляя и смешки детишек мы, взрослые, по команде тренера встали друг перед другом.

Первым моим соперником оказался тот самый плотный дядька — «Витькин папа».

Сканирование завершено.

Объект: мужчина, 32 года.

Доминирующие состояния:

— *Самоуверенность демонстративная (82%).*

— *Пренебрежение (71%).*

— *Азарт соревновательный (68%).*

Дополнительные маркеры:

— *Расслабленная стойка, рассчитанная на легкую победу.*

— *Взгляд поверх головы оппонента.*

— *Снисходительная полуулыбка.*

Окинув меня оценивающим взглядом, он бросил:

— Слышь, мужик, ты бы лучше на диету сел, чем на ковер лезть, хе-хе. Тут серьезные люди будут работать. Или на сумо иди.

Я промолчал, только чуть сместил центр тяжести, и Витькин папа снисходительно пожал плечами.

— Ладно, давай по-быстрому, чтоб других не задерживать.

Ильдар Ринатович дал команду:

— Борьба!

В этот момент я себя ощущал самым настоящим клоуном, понимая, что могу очень крупно опозориться...

...но это прошло, стоило только начать. Я все еще контролировал свое тело, но откуда-то знал, что делать и как реагировать, и мышцы послушно все исполняли. Иногда с большим опережением. То есть сначала действие, а потом осознание того, что именно я сделал и почему.

Противник сразу потянул за воображаемый лацкан, по привычке, видимо, с кем-то тренировался раньше. Но я не дал шанса на захват, ушел корпусом, шагнул в сторону.

Витькин отец качнулся за мной, перенес вес на переднюю ногу и...

Глава 6

«Ошибка!» — вспыхнуло в голове, и я тут же нырнул к нему в корпус — не в ноги, именно в корпус. Плечо уперлось в солнечное сплетение, ладони скользнули за спину, и я почувствовал, как его центр тяжести поплыл. Смещение, колено между ног — он охнул, теряя опору, и повалился на спину, а я упал следом, вжимая противника в мат всем весом.

Мои колени уперлись в жесткую резину татами по бокам от его тела, грудь легла на грудь, и я почувствовал, как мужик дернулся подо мной, пытаюсь вывернуться. Не вышло — я прижал плотнее, перенося вес вперед и не давая ему ни сантиметра пространства. Его сбитое дыхание толчками било мне в ключицу.

— Есть! — азартно крикнул Ильдар, с интересом поглядывавший на нас. — Контроль держи, не суетись!

Я держал. Секунда, другая — и наконец команда:

— Стоп!

— Ура! — услышал я писклявый Степкин голосок.

Отпустив захват, я поднялся и протянул руку сопернику. Витькин папа помедлил, потом все-таки принял ее, но коротко, без рукопожатия, после чего тяжело встал, отряхивая спину.

— Маты скользкие, — бросил он, не глядя на меня.

Я не стал спорить, хотя маты были совершенно сухие, — мужику хотелось сохранить лицо перед сыном и женой.

Мы дождались, пока закончат остальные, перекинулись парой ничего не значащих фраз, после чего мой первый соперник поинтересовался, не занимался ли я самбо на серьезном уровне. Я, чтобы совсем уж не ронять его достоинство, ответил неопределенно:

— Немного.

После этого Витькин папа держался в стороне, больше ко мне не обращался и на сумо идти не предлагал.

Второй соперник был поопытнее — не лез, работал вторым номером, выжидал. Был он меньше меня, но хваткий, жилистый, юркий. В общем, очень неудобный. Так что мы кружили по татами секунд сорок, и я почувствовал, как болят предплечья от постоянной готовности к захвату.

Он попытался провернуть через спину — резко дернул, разворачиваясь. Но без куртки прием не пошел: его ладони соскользнули с моей футболки, и он завис на полуповороте, открыв бок.

Я не стал бросать и просто шагнул ему под опорную ногу.

Его стопа дрогнула, колено поехало внутрь, а я зацепил корпус и повалил вбок — не силой, а весом. Он попытался вывернуться, уперся ладонью в мат, но я не дал пространства, навалился тазом, прижал.

— Аккуратно, он без формы! — крикнул кто-то с края.

— Стоп! — скомандовал Ильдар.

Пожав руку противнику, я сел на корточки, восстанавливая дыхание. Колени гудели, предплечья ныли от напряжения. Не праздновал, не улыбался, а просто дышал носом и ждал. Что бы там о себе ни думало это тело, до нормальной физической формы ему было еще далеко, и мне требовалось отдышаться. Да и откуда-то я знал, что самбисты это считают моментально: тот, кто не пляшет после победы, вызывает уважение.

— Финальный раунд! — объявил наконец Ильдар Рустамович, когда все отдышались. — Победители с победителями, проигравшие — с проигравшими.

Я пожал руку другому финалисту. Ему было лет сорок, сухой, короткая стрижка, спокойный взгляд. Он тоже был без крутки. Ильдар переглянулся с ним и негромко сказал:

— С ним мягко, Рустам. Посмотри, что он делает.

А мне:

— Не рви, Сергей. Твоя задача — выстоять. Рустам не любитель.

Я понял, что это КМС или мастер. Возможно, из тех, кто приходит на открытые ковры, чтобы размяться и погонять молодежь.

Эта схватка началась совсем иначе.

Рустам сразу взял дистанцию и не отдал мне корпус, начав двигаться по кругу мягкими, экономными шагами. Я почувствовал, как он ломает мне шаг: каждый раз, когда я пытался сократить дистанцию, он уходил ровно на полшага, словно заранее знал, куда я двинусь. Очевидно было, что он меня прощупывал, искал слабинку.

Я не выдержал, полез первым — и тут же понял, что ошибся. Его ладонь легла мне на затылок мягко, почти ласково, и в следующий миг ноги потеряли опору. Я сел на таз, даже не успев понять, как это произошло. Не больно, не унижительно — просто сел, и все. Рустам не стал докручивать и снисходительно дал мне подняться.

Следующие полминуты я просто выживал. Дышал носом, старался не открываться и не суетиться, а он давил позиционно, постоянно создавая угрозу, но не атакуя по-настоящему. Его стальные руки то и дело касались моих плеч и локтей, проверяя, где я напрягаюсь, где держу слабо. Предплечья горели от непривычной нагрузки и постоянной готовности к захвату, пот стекал по спине и начал заливать лицо, но я держался — не давал ему чистого входа, не проваливался в его ловушки.

Чистого броска так и не было.

И тут я решил рискнуть. Вошел в корпус, вложившись всем весом. Рустам, конечно, прочитал это движение, но я не провалился, успел отшагнуть и сохранить равновесие. Диафрагма дернулась от резкого выдоха.

— Стоп! — скомандовал Ильдар.

Мы разошлись, и в зале повисла тишина.

Ильдар посмотрел на Рустама, потом на меня.

— Все. Хватит.

Рустам кивнул:

— Нормально держится. Не дергается. — Посмотрел на меня с интересом. — Где занимался?

— Да так... — ответил я.

Он хмыкнул, но больше ничего не сказал, а Ильдар Ринатович объявил:

— Ничья.

Я вернулся на свое место среди родителей. Ноги дрожали, но не от страха, а от адреналина, мышцы во всем теле наливались приятной усталостью.

И в этот момент на меня налетел сияющий Степка, а следом за ним подбежал Дамир.

— Дядя Сережа! Ты выиграл! Два раза! А с тем дядькой была ничья!

— Это о-о-очень круто! — протянул Дамир. — Дядя Рустам — он же мастер спорта! С ним даже Ильдар Ринатович не мог справиться!

— Он просто не дал мне проиграть, — поправил я их обоих. — Понимаете разницу?

Степка задумался, потом кивнул:

— Типа как Человек-паук — он же не всех убивает.

— О, ты тоже Человека-паука любишь? — оживился Дамир.

— Еще бы!

И они тут же углубились в обсуждение супергероев, а я смотрел на них и думал, что Степке повезло. Дамир был из тех ребят, которые младших не обижают, а заботятся. В каждой секции есть такие — и это золото.

Ну а когда мы уже уходили, Ильдар окликнул меня у двери:

— Эй, Сергей!

Я обернулся.

— Ну что, теперь-то придешь во взрослую группу? — ухмыляясь, спросил он. — Я же говорил — база у тебя есть. Сегодня только подтвердилось.

— Подумаю, — ответил я, поджав плечами. — Пока все равно не могу, я ж в Марий Эл сейчас работаю.

— Знаю, мне Чингиз рассказывал. — Ильдар хлопнул меня по плечу. — Ну, будешь в Казани — заходи. Даже одна тренировка — польза. Все ребята у нас хорошие, ты и сам вроде ничего, так что давай заглядывай.

На улице уже стемнело. Степка шел рядом, притихший и счастливый одновременно.

— Дядя Сережа, — вдруг сказал он, — а Дамир сказал, что будет меня тренировать. Ну, типа помогать. Он говорит, что я способный, просто маленький еще.

— Это хорошо, — сказал я. — Старший товарищ в секции — это важно.

— А ты правда не занимался самбо?

— Правда, — ответил я.

И это была чистая правда: я, профессор Епиходов, никогда в жизни не занимался борьбой. А вот тело, в котором я теперь живу, — это уже совсем другая история.

— Тогда почему ты так круто дерешься?

— Знаешь, Степ, — задумчиво сказал я, — иногда тело помнит то, что голова уже забыла.

Это называется мышечная память.

Он помолчал, переваривая информацию, а потом выдал:

— Как у супергероев! Типа их тело само знает, что делать!

— Типа того, — согласился я.

Мы дошли до дома, и я сдал взбудораженного Степку с рук на руки Танюхе, которая уже караулила у подъезда.

— Ну как? — спросила она.

— Нормально, — ответил я.

— Мама! — заорал Степка. — Дядя Сережа там всех победил! Ну, почти всех! С одним дядькой была ничья, но тренер сказал, что для новичка это круто! А еще у меня теперь есть друг, Дамир, он меня тренировать будет!

Танюха посмотрела на меня с подозрением:

— Это правда?

— Преувеличивает, — отмахнулся я. — А вот насчет Дамира — правда. Хороший пацан, старше Степки, будет за ним присматривать в секции.

— Ну слава богу, — выдохнула Танюха. — А то я переживала, что он там один, маленький...

— Уже не один, — сказал я. — Спокойной ночи, Тань.

Я поднялся к себе. Тело гудело приятной усталостью, но голова была ясной. Хотелось отдохнуть после всех сегодняшних переживаний. Порадовавшись тому, что нет ни Валеры, ни Пивасика и мне не нужно заниматься своим зоопарком, я со спокойной совестью помылся, произвел вечерние ритуалы, чтобы успокоить разгоряченные тело и разум, после чего отправился спать.

Но передумал, потому что в голове всплыла идея с санаторием.

Я сел на кровать и уставился в темноту, приводя мысли в порядок. Итак, что мы имеем? А имеем мы вот что: лечебные грязи, которые местные сравнивают с Баден-Баденом, и минеральная вода премиального качества. Система не ошибается, а значит, там действительно золотая жила. Вопрос только в том, как до этого «золота» добраться.

Удивительно, но меня в этой ситуации больше беспокоили даже не возможные доходы, а то, что такой мощный природный ресурс простаивает, не принося людям лечебную пользу. Вот

что действительно волновало. Да и азарт исследователя тоже никуда не денешь. Была у меня мыслишка проверить влияние этих грязей и вод на послеинсультное восстановление пациентов.

Впрочем, прежде чем мечтать о возрождении вконец убитого советского реабилитационного центра, стоило бы разобраться с прозой жизни. Потому что никто не даст мне там ничего сделать, пока я не получу эту территорию в право собственности. Или хотя бы в долгосрочную аренду.

Здания и земля наверняка на балансе муниципалитета, а то и на федеральном уровне, а это означает вполне конкретный алгоритм действий. Я потянулся за телефоном и открыл заметки, чтобы составить короткий план и разгрузить мозг. Именно так это и работает: пока задача не решена или хотя бы не записана, мозг будет крутить ее и тратить ресурсы, вместо того чтобы успокоиться.

Итак, первым делом мне нужны были выписки из ЕГРН на каждое здание и земельный участок. Кто собственник, какой кадастровый номер, есть ли обременения. Это можно сделать через Госуслуги, не вставая с кровати. Техническое состояние я видел своими глазами: осыпавшаяся плитка, запах сырости, трехэтажный корпус, который просил капитального ремонта. Но для серьезного разговора с потенциальным инвестором понадобится акт осмотра с инженером, а лучше — полноценное технико-экономическое обоснование.

Следующим шагом станет официальный запрос в администрацию Моркинского района. Что-то вроде: прошу сообщить, каков правовой статус объекта и возможные формы вовлечения в хозяйственный оборот, а также включен ли санаторий в план приватизации. Если не включен — подать заявление о включении. Звучит просто, хотя на практике это может означать месяцы переписки с чиновниками, которые не заинтересованы ни в чем, кроме собственного покоя. Но для ускорения подобных процессов у меня есть Наиль.

Я откинулся на подушку и задумался. Очевидно, что, как соинвестор, Алиса отпадает, а бандитов втягивать в такой проект я не хочу. Не хватало еще из такого чудесного места создавать зону отдыха братков. Ну уж нет.

Остается один процент от компании Алисы, на который у меня есть право. И если мне удастся его разменять на кэш... Потом надо будет решить, как забирать санаторий, продажей через торги или арендой с инвестиционным обременением. Есть еще концессия, но это, как я догадывался, совсем другая история, долгая и муторная. Тут без профи не обойтись, потому что мои знания в этой сфере были очень расплывчатыми.

Отдельной строкой в моих заметках появилась скважина. Покупка зданий не означает автоматического права качать воду. Нужна лицензия на недропользование, а это уже Роснедра. Еще один запрос, еще одна очередь, еще один чиновник, который будет решать, достоин ли я прикасаться к подземным водам Моркинского района. В общем, геморроя будет много, но на то и нужны такие проныры, как Наиль и Караяннис.

Самое забавное, что девяносто процентов этой бюрократической волокиты можно прокрутить дистанционно. Выписки — через интернет. Запросы — через электронную почту с цифровой подписью или заказным письмом. Торги проводятся на федеральных электронных площадках. А если бы я не захотел ехать в Морки для осмотра здания, можно было бы отправить представителя по доверенности.

Так что да, мне нужен юрист. Наиль. Его переезд в Морки теперь приобретал дополнительный смысл. Если санаторий выстрелит, там понадобится человек, который разбирается в договорах и умеет общаться с администрацией.

План выглядел вполне рабочим. Оставалось только понять, откуда взять деньги на реконструкцию, но это, решил я, проблема завтрашнего дня.

Странное дело: месяц назад я очнулся в чужом теле с девятью днями жизни на счетчике, долгами, разрушенной репутацией и перспективой сесть в тюрьму. Сейчас прогноз перева-

лил за полтора года и растет с каждым днем, суд выигран, есть работа, пусть и в глуши, есть понимание, куда двигаться дальше, маячит на ближней перспективе московская аспирантура и исследования Vasorelaxin-X. И санаторий, который совсем не пустая фантазия, а конкретный бесхозный объект с измеримыми параметрами. Чудо-вода есть, чудо-грязи есть, чудо-воздух есть, спрос на реабилитацию в стране огромный. Нужны только правильные шаги в правильной последовательности.

А последовательность я теперь знал.

Телефон отправился на тумбочку. Засыпая, я подумал, что шансы не плохие. И, может быть, если смогу привести Алису Олеговну в чувство, я даже предложу ей вложить деньги вместе со мной. Если она, конечно, не окончательно сошла с ума от злости на меня. А если и сошла — найдутся другие инвесторы. Минеральная вода никуда не денется.

Глаза закрылись сами. Завтра будет длинный день.

Однако мозг так быстро не успокоился, решив, что нет смысла засыпать, если сейчас его снова разбудит глупая шавка. Знал по опыту, что, когда соседи так мешают шумом, в следующие ночи сон тоже становится тревожным, потому что невольно начинаешь переживать, не будет ли опять такой же какофонии. Организм старается оградить себя от стресса, когда тебя насильно вырывают из сна громкими звуками.

Так что я чутко прислушался: лая собаки не было. Я подождал еще, вдруг опять начнет, однако у соседки за стенкой пока никто не лаял. Интересно, надолго ли?

Глаза слипались, сказывалась бессонная ночь. И все же я успел подумать, что, может быть, стоит сразу перейти на кухню, однако решил наплевать. Завтра суббота, буду спать в комнате и, если собачка начнет свой концерт, просто перейду на кухню и не стану больше разборки устраивать.

Приняв такое решение, я окончательно отключился.

То ли сказывалась бессонная ночь и тревоги, связанные с операцией Серегиной матери, то ли по какой-то другой причине, но проспал я крепко, как под наркозом...

Очнулся утром от звонка будильника, вскочил, потянулся. Время было как раз нормальное, я успевал привести себя в порядок, чтобы с Танюхой побегать в парке. Неторопливо попив воды, покачавшись на носочках и продышавшись, все как положено, я умылся, побрился, оделся и выскочил на улицу. Танюхи еще не было, и теперь уже я ее ждал.

Она появилась через пять минут, заспанная, вся какая-то словно вареная.

— Привет, Танюха! Все никак не можешь растормошиться?

— Да, вчера какой-то день такой типа заполошный был, — проворчала она, — столько работы. У меня всегда Сюзанна Андреевна, хозяйка, у которой я убираюсь, попадает типа на пятницу, она такая засранка, там, пока уберешься, уже ни ног, ни рук не чуешь.

— Ну так почему ты не сказала?

Я укоризненно покачал головой.

— Если такая у тебя тяжелая работа накануне, то можно же один день пропускать и не бегать. Зачем над собой издеваться?

— Нет-нет, все нормально, я лучше немножко побегаю... Просто давай будем типа не быстро?

— Давай, — согласился я. — Главное у нас — это дисциплина, ты помнишь? И еще, тоже главное, — это выдержать график.

И мы очень медленно потрусили в сторону парка. Выходной день — спешить нам было совершенно некуда, на работу собираться не надо, поэтому мы просто получали удовольствие от такой, можно сказать, неспешной прогулки на природе.

— Как ты сегодня спал? — хмыкнула Татьяна, догнав меня.

— Как убитый! Отключился вечером и очнулся вот только сейчас, — похвастался я. — Выспался как младенец, даже удивительно. И ты знаешь, видимо, я зря вчера хай поднял, потому что собака больше не лаяла.

— Да ты же не знаешь, что там было! — заржала Татьяна. — Я тебе щас такое расскажу, Епиходов, хоть стой хоть падай!

Глава 7

Танюха, зараза такая, заинтриговав меня по уши, замолчала и хитро улыбнулась.

— Да что было? — не выдержал я ее мхатовской паузы.

— Ну, слушай, — заговорщицким тоном проговорила она. — Ты же весь день по делам типа пробегал, а я два раза домой приходила, потому что Степку ж надо было на английский выпнуть, и еще там типа по своим делам. И такое видела! Упасть — не встать! Короче, слушай, наша соседка...

— Какая соседка? Альфия Ильясовна?

— Ага, ну, матушка Брыжжака. Во она типа учудила!

Танюха аж притормозила от возбуждения.

— Сначала ругалась с этой Маргаритой, чтобы та собаку вообще куда-то выпустила. А та ни в какую. А потом Альфия Ильясовна включила магнитофонную запись. Причем магнитофон еще кассетный, где нашла, не знаю. Ну так вот, включила магнитофонную запись какой-то типа церковной литургии. И на всю громкость. А перед этим договорилась с соседями, чтобы они типа не возмущались, ну, там все почти на работе были, так что нормально. Маргарита чуть с ума не сошла, так орала на нее, а эта так спокойно отвечает: «Не хочешь — не слушай». И эта литургия была на весь подъезд до самого вечера!

Она заржала взалхлеб. Немного отдышавшись, продолжила:

— А потом старший внук ее, значит, типа договорился с пацанами. И они начали баскетбольными мячами колотить в стенку. Собака эта бесновалась прямо как ненормальная. Вот они раз мячом жажнули об стенку, собака сразу начинает лаять, типа как ненормальная. А они это все снимают на диктофон. Только собака заткнулась, они опять мячом об стенку. И так они ее задевали, задевали. А потом Альфия Ильясовна вызвала Росгвардию, так что на Маргариту теперь типа протокол составлен. Собирает документы в суд подавать.

— Так за один раз же ничего не получится, — сказал я. — Да, она сейчас на собаку намордник надела. Думаю, что пару дней та поспит в наморднике, а потом Маргарита ее все равно выпустит. Так что, к сожалению, ничего у Альфии Ильясовны не получится. Лучше бы пацаны эту шавку к кинологу сводили на воспитание. Хотя Маргарита такая, что не даст.

— Ничего, ничего, вот увидишь, она ее победит, и этой собаки скоро здесь не будет. Это же Алла Ильинична, она такая с виду типа хорошая старушка-одуванчик, а на самом деле фурия еще та. Недаром своего мужа раньше времени в гроб свела, — хихикнула Татьяна.

И мы побежали дальше...

А по возвращении домой я сел пить чай, заедая обалденной овсяной кашей с голубикой, которую приготовил по всем кулинарным правилам. И так мне было хорошо, с таким наслаждением я завтракал на своей более-менее уютненькой кухне, что все мысли о том, что придется завтра ехать в Морки, вызывали какую-то дрожь.

Но не успел я доест, как раздался телефонный звонок. Интересно, кому я мог понадобиться в такую рань? Я взглянул на экран и увидел, что звонила Алиса Олеговна.

— Слушаю, — сказал я.

— Сергей Николаевич, — отчеканила она подозрительно вежливым тоном. — Нам бы с вами встретиться да поговорить.

— Извините, Алиса Олеговна, сегодня не могу. Планы.

— Я знаю, что ты в Казани! — обличительно сказала она, с ходу забыв о вежливости. — Мне уже сообщили! Так что не увиливай, Епиходов. И минуту для меня найди. Когда ты можешь?

— Моей матери нужна операция, поэтому сегодня никак, — попытался я спрыгнуть, уж больно не хотелось влезать в очередные разборки.

— Операция была вчера, поэтому не надо мне вот это сейчас втюхивать!

Вот оно что! То есть за мной либо какая-то слежка, либо кто-то меня сдал. Неужели Наиль? Все благостное настроение окончательно испарилось. А вот желание прояснить ситуацию стало очень сильным.

— Хорошо, Алиса Олеговна, — зло согласился я. — Когда?

— Давай сегодня в обед, к часу дня, в ресторане «Неаполь».

— Хорошо, — сказал я.

И завершил вызов. Чего она хочет, было понятно. Начнет меня гнобить, пытаться забрать эти одиннадцать процентов. Стопудово, как говорит Танюха. Надо бы продумать линию поведения и как-то эту ситуацию разрулить. А думается лучше всего мне на прогулках, поэтому я помыл посуду, собрался и отправился в магазин, чтобы заодно прикупить кое-каких продуктов, которых в Морках не видел.

На соседней улице был большой торговый центр, в котором находилась «Пятерочка». Как раз то, что надо. В магазине, к своему несказанному удивлению, я нос к носу столкнулся с тетей Ниной.

— Джимми? — вытаращилась она на меня, словно на привидение.

— Тетя Нина! Здравствуйте! — искренне обрадовался я.

— А ты разве не в Сирию подался? — ошарашила она меня неожиданным вопросом.

— Я? С чего бы это?

— Да слухи такие по нашей больнице гуляют. — Она пожала плечами. — А я им говорю, не в Сирию он поехал! Он что, дурак, в Сирию в такое время ехать?! Он на Кубу подался! Там сейчас, говорят, будет жарко.

Мимо прошла толстая женщина, с усилием катившая заполненную доверху тележку с продуктами.

— Дайте пройти! — возмущенно вякнула она. — Позагораживают, ни пройти, ни проехать!

— Извините, — сказал я и потянул тетю Нину в сторону, где стояли вендинговые аппараты для апельсинового фреша. Народу там всегда было негусто.

— Слушай, так ты теперь на Кубе? — с надеждой посмотрела на меня тетя Нина. — Ну, скажи, что на Кубе! Неужели я упаковку «Тайда» проспорила?!

Я не выдержал и заржал, потому что упаковку «Тайда» на меня еще не ставили. Помню, как-то в восьмидесятых поехали мы с коллегами в экспедицию в Монголию. Изучали там влияние горлового пения на снижение адаптационных резервов организма и развитие сердечно-сосудистых патологий. На самом деле финансирование осваивали, но об этом распространяться не буду. Так вот, жили мы тогда в юрте у одного коневода. Его родичи по мужской линии как раз занимались горловым пением с деда-прадеда. Считалось, что оно успокаивает животных и повышает приплод. И однажды, перепив кумыса, профессор Сидоров поспорил с хозяином, что я смогу побороть его племянника. И на кон они поставили жеребенка. Точнее, хозяин — жеребенка, а Сидоров — мой дорогуший импортный фотоаппарат.

Жеребенка я тогда выиграл. Правда, мы его потом обратно хозяину поспорили. Да и то, что горловое пение снижает адаптационные резервы и связано с сердечно-сосудистыми патологиями, не подтвердилось. Но это уже совсем другая история. А сейчас на меня бабы поспорили, поставив пачку стирального порошка.

— Надеюсь, пачка хоть большая? — утирая слезы от смеха, спросил я.

— Не смешно, Епиходов! — надулась тетя Нина. — Я так на эту пачку рассчитывала.

А затем не выдержала и тоже рассмеялась:

— Да ладно, шучу я! Как ты там и где?

— В деревню уехал, — сказал я, удостоверившись, что тетя Нина опять шутит. — Работаю в больнице и в амбулатории. График два на три. Красота: свежий воздух, экологически чистые продукты...

— Ага! Так я тебе и поверила! — укоризненно покачала головой тетя Нина. — Решил отсидеться, пока Харитонов перебесится. Так вот что я тебе скажу, Джимми. Не перебесится он. Хряк еще тот. Кнурище!

— А вы чего Харитонова так не любите? — полюбопытствовал я.

И тетю Нину словно прорвало. Она принялась рассказывать, торопливо, запинаясь и перебивая сама себя. Видно было, что давно уже ей хотелось выговориться, излить, что накопило, а некому.

— Ты понимаешь, Сережа, — перешла она с шуточного тона на серьезный. — Увольняют меня!

— Как это увольняют? Почему увольняют?

— А помнишь, я на операцию пошла? Палец у меня гнил?

— Конечно помню, — кивнул я. — Это же я вас уговорил идти...

— Так вот. На мое место, пока я болела, взяли Зухру. Она, конечно, моет плохо, ленивая, хитрая. Но у нее трое детей. И она молодая. В общем, Харитонов решил ее оставить, а меня на пенсию отправить. Я же пенсионерка. Мол, у меня все равно пенсия есть, а ей как-то надо троих детей поднимать...

Она тяжело вздохнула и добавила:

— И я теперь не знаю, что будет. У меня почти вся пенсия уходит за съем койко-места. И немного на продукты остается. А на зарплату я живу. И носки какие иногда подкупить надо, и за телефон заплатить, и мыло-шампунь надо. Сам понимаешь. Иногда даже конфеты себе покупала. С каждой зарплаты, как штык, триста граммов «Мишка на севере». Шикардос!

Она снова вздохнула:

— А теперь уже все. — Посмотрела куда-то в пустоту невидящим взглядом и пожаловалась: — И хозяйка намекнула, что цену со следующего года поднимать будет. И как я все это потяну, не представляю даже...

У меня аж сердце острой болью зашлось:

— Это из-за меня...

— Да что ты, Сережа! — всплеснула руками тетя Нина. — Ты правильно меня на операцию тогда отправил! Мне Маринка Носик объяснила, что я вообще без руки могла остаться. Просто не повезло...

Я бросил взгляд на ее корзиночку для продуктов. Там сиротливо лежала четвертинка черного хлеба, пакет кефира, две луковицы и пачка самой дешевой светлой гречки. Негусто.

— И что вы планируете делать дальше? — спросил я, не в силах отвести взгляд от ее продуктовой корзины.

— Надо искать койко-место подешевле, — пожала она плечами. — И новую работу. Мне подсказали, сейчас на ж/д вокзал уборщица требуется. Правда, там тоже молодых берут. Но схожу, попробую.

Я внутренне ужаснулся. Хрупкая немолодая тетя Нина будет мыть огромный вокзал? Она же не потянет это физически! И надо было всю жизнь проработать, чтобы в старости вот так коротать свои дни.

Решение пришло моментально.

— Так, тетя Нина, — решительно сказал я. — Когда вас увольняют?

— Скоро, — вздохнула она.

— Вы мне конкретную дату скажите!

— Две недели еще есть, — печально скривилась она. — Не дал мне Харитонов, гад такой, до Нового года ровно месяц доработать. Премии и тринадцатую платить не хочет... Сэкономить решил...

— Отлично! — сказал я, и тетя Нина посмотрела на меня удивленно.

— Что?

— В общем, план такой, — пояснил я. — Две недели вы спокойно и тихо отработываете и пакуете сумки. Вещей у вас много?

— Домашних?

— Да, домашних, — кивнул я.

— Да какие там вещи? — Плечи тети Нины опустились. — Одежда только, чашка-ложка. У меня ведь даже одеяла своего нету. Мне хозяйка квартиры дает. Что там мне собираться? Нищему собраться — только подпоясаться...

— Вот и ладненько, — сказал я, вытащил из кошелька четыре пятитысячных купюры и дал ей. — Вот...

— Что это?! — возмутилась она. — Я не возьму! Пусть я нищая, но гордость у меня есть, и до того, чтобы просить милостыню, я еще, слава богу, не дождалась!

Глаза ее горели гневом.

— Тетя Нина! — рыкнул на нее я строгим голосом. — А ну тихо! Слушайте меня! Это аванс.

— Аванс? — удивилась она. — Что за аванс?

— Да, аванс, — кивнул я. — В общем, рассказываю. Только поклянитесь, что никому!

— Клянусь! — торжественно сказала тетя Нина и для дополнительной иллюстрации клянула себя пальцем по зубу, мол, зуб даю. — Могила!

Я еле-еле подавил смех и принялся рассказывать:

— В общем, есть в Морках, ну там, где я сейчас работаю, санаторий. Он старый и без финансирования. Но там такая вода, что полумертвых на ноги поднимет. Золотое дно. Я сейчас хочу добиться рассмотрения дела и приватизировать его. Или взять в аренду. Подключу адвокатов, они посмотрят, как лучше. И мне сейчас нужна своя команда. Поэтому я вас беру на работу. Поедете в Морки. Это не навсегда, не беспокойтесь. Если вам там не понравится, всегда можете вернуться обратно. Но я бы советовал годик-полтора там поработать, подкопить денег, пожить в экологически чистом месте, заодно и оздоровиться. Может, и ипотеку себе на квартиру где-нибудь в пригороде Казани возьмете. Считайте, шашка такая у вас нарисовалась... Тем более там и кормежка будет, и комната для проживания.

Тетя Нина ахнула, и на ее глазах выступили слезы. Но сказать она ничего не могла, потому что ком стоял в горле.

Поэтому я продолжил живописать ее прекрасное будущее, давая время прийти в себя:

— Я знаю, что вы работали бухгалтером...

— Когда это было, — испуганно пискнула она, заламывая руки. — Сейчас же все эти 1С-бухгалтерии, а я уже всего этого и не знаю...

Губы ее задрожали, поэтому я торопливо продолжил:

— Бухгалтера найти нетрудно. А вот для меня важна такая функция, чтобы был главный менеджер по персоналу. Придется же брать много людей: врачей, медперсонал, технических работников. И мне нужен кто-то, на кого я бы мог полностью положиться. Кто бы, мягко говоря, мониторил микроклимат в коллективе. Потому что это важно...

— Я знаю! — вздернула подбородок тетя Нина. — Менеджер по корпоративной культуре это нынче называется.

Я аж восхитился ее познаниями. Честно говоря, даже сам не знал, как оно правильно.

— Да, именно так, — кивнул я. — И думаю, что вдвоем с Наилем... Вы же знаете Наиля?

— Тот, что юрист новый? Знаю, а то ж! Себе на уме парень. А он-то каким боком?

— Возможно, он будет работать вместе с нами, тетя Нина. В общем, уверен, что вы с ним отлично справитесь. Вы будете контролировать кадры, а он — помогать юридически.

Тетя Нина просияла.

— А аванс я вам дал, чтобы вы могли это время нормально прожить. Кстати, когда будете увольняться, перед этим поговорите с Наилем, скажете, я велел. Хотя я ему и сам позвоню, скажу. Так вот, пусть он проследит, чтобы вас при расчете не обьегорили. Харитонов может.

Тетя Нина кивнула, мол, да, он такой.

— А потом Наиль тоже ко мне через две недели будет ехать и вас заодно закинет. У него своя машина...

— Ой, Сережа, — ахнула тетя Нина и аж просияла. — Как хорошо, что я тебя встретила!

Она хотела добавить что-то еще, как тут зазвонил телефон. Я взглянул на экран — Венера.

— Что случилось, Венера Эдуардовна? — спросил я.

Она никогда просто так ради поболтать бы не позвонила. Тем более в выходной.

— Сергей Николаевич, — чуть не плача, простонала она. — Пивасик...

И горько разрыдалась.

— Венера Эдуардовна! Тише... Тише... — совсем растерялся я и все равно попытался ее успокоить. — Выдохните и объясните, что стряслось? А то я не разберу.

— П-пиваси-и-ик...

— Что?

— Он улетел! — Она опять зарыдала и принялась, глотая слова, рассказывать: — Я открыла форточку, проветрить, а он как-то открыл клетку и вылетел. Я сначала не увидела, в другой комнате была. А потом как увидела — выскочила во двор, но его уже не было...

Она опять зашлась в плаче.

— Венера Эдуардовна! — сказал я. — Послушайте меня...

— Что?

— Вы обычно форточку надолго оставляете открытой?

— Сегодня на улице тепло, так что думала до вечера, — отозвалась она и опять всхлинула.

— Отлично! — сказал я преувеличенно бодрым голосом. — Он постоянно улетает. Бродяга он. И суслик! Вы не беспокойтесь, пожалуйста, он проголодается и сам вернется. Это не беда.

— Д-да? — с надеждой в голосе сказала Венера.

— Конечно, — заверил ее я. — И извините, что я вам сразу не сказал, забыл впопыхах.

— Как там операция вашей мамы? — спросила она, сразу успокоившись.

Я рассказал, мы еще перекинулись парой слов, и я отключился.

Тетя Нина стояла и терпеливо ждала, пока я закончу разговор. Однако теперь у нее в корзинке появился кусочек твердого сыра, пачка песочного печенья и пакетик с двумя помидорами.

— В общем, тетя Нина, — сказал я, — предлагаю обменяться телефонами. Будем на связи. Если что — смело звоните. Я не отвечаю, только когда пациентов осматриваю или операция у меня. Вы же понимаете.

Тетя Нина понимала.

— А так, если что надо — звоните. Я тоже, если что вспомню, наберу.

Мы расстались, и я заспешил домой. Нужно было успеть переодеться. До обеда с Алисой Олеговной оставалось совсем мало времени.

И, как ни торопился, я таки опоздал.

Алиса Олеговна уже сидела за столиком. Она была в красивом темно-сиреновом платье, мягкий шелк которого выгодно подчеркивал фигуру и оттенял умело подведенные глаза.

— А ты не торопишься, — недовольно бросила она мне, когда я подошел к столику и поздоровался.

— Я же говорил, что вырвался всего на два дня и у меня куча дел, — равнодушно пожал плечами я.

Оправдываться я не собирался.

— Вина? — Ко мне подошла официантка.

— Воды, — ответил я, принимая меню.

Официантка отошла, на ее профессионально вежливом лице не дрогнул ни один мускул, а вот Алиса Олеговна ехидно хмыкнула, поглаживая ножку своего бокала с белым игристым:

— Закодировался?

— Не пью в это время суток, — пожал плечами я, просматривая меню.

— Так вот он какой, этот Сергей Николаевич, который решил сунуть руку в мой карман! — прозвучал раздраженный голос сбоку.

Я недоуменно повернул голову. Рядом стоял Виталик, неудачливый горе-любовник, а заодно несостоявшийся босс мафии, отправивший через Наиля каких-то гопников ломать мне ноги.

Глава 8

Чертов Виталик, из-за которого разгорелся весь этот сыр-бор с Алисой Олеговной и акциями ее галереи, уставился на меня высокомерным взглядом гопника-аристократа и явно решил меня таким вот образом фраппировать. Или я не знаю, зачем вся эта тирада была про то, что я якобы сунул руку в его карман.

— Алиса Олеговна, что здесь лучше готовят — гаспачо или минестроне? — спросил я и краем глаза заметил, как Виталик побагровел.

— Каков наглец! — фыркнул он.

Алиса Олеговна мне не ответила, поэтому я продолжил с внимательным видом листать меню дальше.

За столом повисла пауза.

Наконец Алиса Олеговна не выдержала и сказала, максимально давя голосом:

— Сережа, отложи пока меню. Надо поговорить...

— Не могу, — вздохнул я, продолжая внимательно листать, — я еще не заказал суп. Но вы говорите, Алиса Олеговна, говорите. Я вас слышу.

Я нарочно вел себя, мягко говоря, не очень вежливо, потому что хотел вывести ее из себя. Она ведь специально разыграла эту сценку с внезапным появлением Виталика. Чтобы шокировать меня, смутить и затем раскатать, как тесто. Но я в эти игры тоже умею, поэтому сейчас зеркалил ее.

Алиса Олеговна вспыхнула. Но сказать ничего не успела — подошла официантка.

Я сделал заказ, придирчиво выбирая, советуясь и даже немножко капризная. Алисе Олеговне с Виталиком пришлось сидеть с вежливой миной и терпеливо ждать, когда я изволю прекратить.

Наконец я изволил и перевел лучезарный взгляд на супругов:

— Слушаю вас.

Виталика аж передернуло, и он опять принялся наливать багрянцем.

Алиса Олеговна незаметно положила ладонь на его руку, успокаивая. Но я заметил.

— Сергей... Сергей Николаевич, — начала она явно отрепетированную речь, аккуратно подбирая выражения, — эти одиннадцать процентов акций, которые я временно передала тебе, нужно вернуть. Причем сегодня.

Я сделал удивленное лицо, слегка изогнув бровь:

— О как! — сказал я и умолк.

Алиса Олеговна немного посидела, буравя меня взглядом, но, так как я не делал больше никаких попыток продолжить разговор или как-то прокомментировать, не выдержала и раздраженно фыркнула:

— Ты не слышал?!

— Слышал, — кивнул я.

— Так что?

— Ничего, — пожал плечами я.

Тут официантка принесла мой суп. Я вежливо поблагодарил и принялся со вкусом вкушать, не забывая старательно отламывать кусочки от горячего еще хлебца с укропом, который подали в отдельной корзиночке.

От такой наглости у Алисы Олеговны и у Виталика случился когнитивный диссонанс, и они стали похожи на двух изрядно удивленных Пивасиков. Разве что клювами не щелкали.

— Ну каков наглец! — взвился Виталик. — Я ему сейчас ребра пересчитаю!

— Уже пробовали пересчитать, — ухмыльнулся я. — Не вышло.

— Тише! — нахмурилась Алиса Олеговна.

При всей своей теперешней слепоте она понимала, что глупый Виталик хорохорится совсем не в тему, ломая ей игру.

— Виталий, сядь, пожалуйста. Сережа просто ничего не знает. Я ему сейчас все объясню, и он вернет нам наши деньги...

Виталик позволил себя уговорить и сел за столик, надолго припав к бокалу с игристым. Ему явно нужно было успокоить нервишки.

— Понимаешь, Сережа... — слегка замялась Алиса Олеговна, затем вспыхнула и нервно продолжила: — Мы с тобой познакомились в тот момент, когда у нас с супругом вышло некое... недоразумение. И я, как человек эмоциональный, обратилась тогда к тебе за помощью. Я тебе очень, конечно, благодарна за поддержку. Но сейчас ситуация несколько... э... изменилась. И сейчас мы в твоих услугах больше не нуждаемся. Поэтому я прошу тебя, Сережа, верни нам наши акции.

Она уставилась на меня испытующим тяжелым взглядом. Виталик вылупился так же. От игристого он раскраснелся и сейчас напоминал свирепого раскрасневшегося пекинеса, если бы пекинесье умели краснеть.

Я отложил ложку и с сожалением посмотрел на оставшийся кусочек хлеба.

— Нет, — покачал головой я и принялся за второе.

— Что нет? — не поняла Алиса Олеговна.

Они с Виталиком переглянулись, и она опять положила ему руку на ладонь.

— Нет — означает нет, — пояснил я и принялся резать отбивную из оленины.

— В каком смысле? — прошипела Алиса Олеговна. — Ты что себе позволяешь?! Это мои акции! Моя компания! Я ее создала! Я! А не ты!

— Тише, тише, — укоризненно покачал головой я и попробовал рагу из зеленого горошка. — Не надо кричать, Алиса Олеговна. Это ничего не изменит. Акции я вам не верну.

— Я подам на тебя в суд! — взвизгнула она, и на нас все оглянулись.

А официанты, аж двое, заторопились к столику.

— Виталий, разберись с ними, — устало кивнула Алиса Олеговна на официантов и продолжила шипеть мне в лицо: — Вот ты какой оказался, Епиходов! Мерзкий и алчный тип! Воспользовался моей бедой! Решил нажиться! Ты вор, Епиходов!

— Была бы ты мужиком, я бы тебе в челюсть двинул, — меланхолично заметил я и аккуратно отрезал еще кусочек отбивной, неторопливо прожевал и сказал: — Но раз ты баба, да еще и глупая баба, то объясню популярно. Не хотел при Виталике.

— Объясни, уж будь добр! — фыркнула Алиса Олеговна, проглотив мое нарочное оскорбление про бабу.

— Воровать твои акции я не собираюсь, не переживай, — сказал я и пододвинул к себе тарелочку с ягодами. — Согласно договору, они переданы мне на хранение на один квартал. После этого я обязуюсь их вам вернуть. Кроме одного процента «за работу».

— Я знаю содержание договора! — фыркнула она.

— Ну а раз знаешь, зачем весь этот цирк? — удивился я.

— Мне нужно вернуть мужа в совет директоров! — скривилась Алиса Олеговна.

— Зачем?

— Как зачем? Он мой муж, и он должен быть в совете директоров.

— Быстро же ты его простила, — усмехнулся я, чем вывел Алису Олеговну из себя окончательно.

— Не твое дело!

— Мое! — рявкнул я и только сейчас посмотрел ей прямо в глаза. — Ты мой друг и глупая баба, которая так влюбилась, что не видит дальше своего носа. Ты уверена, что это не план Николь вернуть деньги?

Глаза у Алисы Олеговны чуть не вылезли из орбит, она захлебнулась воздухом и не нашлась, что ответить.

— Я все понимаю, Алисочка, — сказал я с укоризненными нотками в голосе. — Лебединая песня, большая любовь, супруг-шалунишка приполз на коленях вымаливать прощение, красиво ухаживал, читал стихи, раскаивался. Может, даже всплакнул разочек. Что там еще? Цветы дарил. И ты потекла. Ну так воркуйте, никто тебе не мешает. Завела зверушку — так играйся себе на здоровье. Но в совет директоров-то его зачем? Я твои деньги не возьму, не беспокойся. А когда означенный в договоре срок пройдет — все верну. Но не раньше. А за это время станет понятно, он реально приполз посыпать голову пеплом или это Николь все разыграла. Так что даже не проси. Спасибо за обед!

Я отложил салфетку. Встал и вышел из ресторана. Оставив ошеломленную Алису Олеговну переваривать мои слова. За обед я, кстати, не заплатил. Раз пригласила, пусть сама платит.

Да, вот такой я мерзкий и мстительный. Ну а раз все так вышло, то и про инвестиции в санаторий ничего не сказал. Ну его на фиг таких нестабильных соинвесторов.

Из ресторана я отправился напрямиком на почту. Сегодня истекал срок хранения заказного письма.

Когда я туда пришел, людей почти не было, только одна бабулька получала посылку. Так как у нее не было никакого приложения «Почта России», она заполняла все документы от руки и пришлось подождать. Ну, недолго, минут пять. Я стоял, рассматривая обстановку, которая напоминала мне о детстве. Помню, тогда на почте и в ларьках «Союзпечати» продавали все вот такое: открытки, купоны «Спортлото», карандаши, ручки, календарики... Я рассматривал все прямо с умиротворенным удовольствием, постепенно успокаиваясь после «дружеского» обеда с Алисой Олеговной.

Когда подошла моя очередь, я попросил письмо и расписался в получении.

— Ваше письмо, — протянула мне конверт женщина.

Я посмотрел на адрес, и мое лицо вытянулось. Письмо пришло из Москвы, из Научно-исследовательского института хирургии. Торопливо, чуть подрагивающими от нетерпения руками я вскрыл конверт и прочитал. Это было официальное сообщение о том, что я зачислен в аспирантуру. Причем в аспирантуру на дневное, очно! Я очень удивился. Видимо, здесь вкралась какая-то ошибка.

Так как была суббота, звонить я смысла не видел, там выходные. Сначала хотел позвонить Марине, попытаться у нее хоть что-то выяснить, потому что точно знал, что она ездила в Москву и сдавала экзамены. Но потом подумал, вспомнил Танюхины рассказы и решил выдержаться. Один-два выходных дня погоды не сделают, как говорится. А Марина как узнает, что я в Казани, прилипнет — и не отвяжусь. А у меня и так куча дел, не успеваю.

А с другой стороны, я был счастлив. Меня зачислили в аспирантуру. Или же это какая-то ошибка? Хотя не может такого быть, там же письма по сто раз проверяются...

Я уже и так и сяк гадал. Даже когда сам работал в институте и у меня были аспиранты-докторанты, с такими прецедентами я ни разу не сталкивался. А тут, может, вместо кого-то вписали меня?

Ну, как бы то ни было, я начал думать о том, что теперь нужно срочно ехать в Москву: разбираться с Лысоткиным, встречаться с Марусей и Сашкой и кардинально решать вопросы с Ириной.

Я уже был настолько взбудоражен этим известием, что, только практически дойдя до своего подъезда, понял, что совершенно забыл зайти в зоомагазин. У меня появилось подозрение, что Валера где-то мог нацеплять блох. Лазит же он по двору, а там соседские коты. Поэтому я решил купить вредному суслику противоблошный ошейник, пусть в нем ходит. Что придумать для Пивасика, я не знал, но очень надеялся, что продавец мне подскажет.

В магазине зоотоваров я напрямик направился в закуток, где были всякие средства от блох. Упаковок предлагалось так много, что аж глаза разбежались. Я взял первый попавшийся ошейник и принялся читать состав, когда меня окликнули:

— Сергей Николаевич?

Я обернулся — там, среди рядов с зоотоварами, стояла и улыбалась мне... Анна Александровна, судья.

— Бог ты мой, какая встреча! — невольно выдохнул я и сам удивился тому, как сильно обрадовался. — Как вы, Анна Александровна?

— Как всегда, лучше всех, — усмехнулась она и одобрительно хмыкнула, кивнув на коробочку у меня в руках. — Ошейник для котика выбираете?

— Да, — улыбнулся я, — у меня такой бандит, вы даже не представляете. Постоянно во дворе шляется, с соседскими котами дерется. Боюсь, как бы блох не позаимствовал.

— Это правильно, — кивнула она невнимательно, на гладком ухоженном лбу прочертилась морщинка. Потом женщина прищурилась и внезапно сказала: — Нам, наверное, поговорить нужно...

— Я всегда готов, — улыбнулся я, но она словно не обратила внимания.

— Не здесь и не сейчас, — покачала головой. — У меня через полчаса встреча назначена. Важная. И я пропускать не могу. А разговор долгий, наверное...

— Сегодня вы вообще не можете?

— Говорю же, встреча, — недовольно поморщилась она от моей непонятливости. — Завтра вечером после восьми?

— А завтра уже я не могу, — вздохнул я. — Понимаете, живу и работаю сейчас в Марий Эл, в деревне. Завтра уезжаю сразу после обеда, в понедельник же на работу.

— Плохо, — покачала она головой. — Вам фамилия Юмашева что-нибудь говорит? Юмашева Алиса Олеговна?

Я кивнул, мысленно удивившись:

— Да, я с ней знаком.

— Скажу так, Алиса Олеговна развивает бурную деятельность против вас. Я увидела документы, там фигурирует ваша фамилия, Сергей. К тому же завотделением той больницы, Харитонов, все не уgomонится.

— О как! — сказал я.

— Именно так, — кивнула она и взглянула на часы. — Простите, надо бежать...

— Встретимся на следующие выходные? — спросил я с надеждой.

— В субботу около восьми было бы нормально, — кивнула она, и взгляд ее смягчился. — В галерее искусств будет выставка Леонарда Парового. Можно, пожалуй, сходить. Я давно хотела. Да все никак. А потом посидим там, в кафешке рядом, поговорим. Там тихо обычно.

— О! — офигел я. — Вам нравится Леонард Паровой? Его картина «Трепет мимозы» — это нечто.

А сам еле сдержался, чтобы не засмеяться. Вспомнил, как мы с Дианой туда ходили на этот ужас смотреть.

— Вы так хорошо знакомы с творчеством Леонарда Парового! — Глаза Анны Александровны стали размером с циферблат часов на филадельфийской ратуше и польхнули интересом.

— Ну конечно! Ни одну его выставку не пропускаю, — сказал абсолютную правду я и добавил: — Так я вам позвоню перед этим? Вдруг планы поменяются.

— Хорошо, — согласилась она и продиктовала номер.

Затем ухватила какую-то пеструю упаковку и унеслась к кассе платить, а я принялся изучать свойства ошейника. Не успел я дочитать до конца, как Анна Александровна вернулась:

— Этот ошейник плохой, Сергей... Николаевич. Не берите его! Ваш котик чесаться будет. — Она взглянула на меня, словно раздумывая, продолжать или нет, но потом решилась и сказала, понизив голос до шепота: — К нам следователь приезжал. Из Москвы. Ваше дело читал. Так мне сказали.

— А что он ищет? — нахмурился я.

— В субботу поговорим, — покачала она головой. — Я постараюсь больше выяснить.

— Будьте осторожны, Анна Александровна, — попросил я.

Она согласно кивнула и выскочила из магазина.

А я остался стоять, не зная, что и думать.

Наконец, я выбрал правильный ошейник для Валеры и какой-то витаминный спрей для оперения Пивасика и отправился домой.

Уже у самого подъезда разразился третью телефон. Я взглянул на номер и обмер — звонила Маруся, моя дочь.

— Привет! — выпалила она, как только я принял вызов. — Поздравляю, Сережа!

— Привет, — обрадованно сказал я. — А с чем поздравляешь?

— Как это с чем? — хихикнула она. — С тем, что тебя в аспирантуру взяли! Радуйся теперь.

— Я сегодня письмо получил, — сказал я. — Там уведомление, что меня зачислили. Я, если честно, в шоке. Ничего понять не могу. Экзаменов я не сдавал, меня даже на соискательство брать не хотели, а тут вдруг зачислили. Как это так? Так же не бывает.

— Правильно друзей выбирать умеешь! — захохотала она. Немного отсмеявшись, уже серьезным голосом пояснила: — Это я попросила.

— В смысле? — не понял я.

— У отца остались ученики. Один из них, профессор Терновский Борис Альбертович, тебя и взял.

Ох, нифига себе! Я чуть не упал от изумления. Ну вот кто бы подумал?! Борька всегда был оголтелым шалопаем и балбесом. Среди моих учеников самый шептун, хоть и золотая голова, тут уж нечего сказать. Впрочем, Борька умничка, полиглот, двенадцать языков свободно, докторскую защитил в тридцать лет, идеи у него были что надо. Но при этом он напоминал мне смесь Валеры и Пивасика. Плюс редко что-то из своих идей доводил до конца — постоянно переключался на новое и все забывал. Вот уж никогда бы не подумал, что он сам будет учеников брать.

— Эй! Ты там уснул или в обморок упал? — хихикнула Маруся.

— Перевариваю информацию, — растерянно сказал я. — А как это он повелся и взял меня? Да еще без экзаменов?

— Потому что я попросила, — важным голосом сказала Маруся, а потом опять приснула от смеха. — Хочешь, скажу правду?

— Хочу!

— Это мой жених. Поэтому я его попросила, и он не смог отказать. Понимаешь теперь? И вот тут я схватился за сердце.

— Как жених? — спросил я убитым голосом. — Кроме того, ты же замужем? За Вовой.

— А ты откуда знаешь? — Судя по голосу, Маруся рассердилась.

— Сергей Николаевич часто рассказывал, — соврал я, — он очень хвалил зятя. Говорил, что тот подающий надежды врач и ученый.

— Говнюк он оказался! — вздохнула Маруся. — Ему не я была нужна. А материалы и связи моего отца. А когда папы не стало...

Она запнулась, тяжело вздохнула, но потом взяла себя в руки и продолжила:

— Когда папа умер, он сразу понял, что от меня больше пользы нет. И подал на развод. Сейчас крутится вокруг дочери Лысоткина. Говорят, дело идет к свадьбе... как только нас разведут — они поженятся.

У меня аж в глазах потемнело. Счет к Лысоткину только что вырос в разы.

— Вот урод! — выругался я.

— Ка-а-азел! — подтвердила Маруся.

Судя по голосу, рана еще не зажила. Но при этом ей очень хотелось выговориться.

— А Борька... в смысле, Борис Альбертович? Он как... — дальше я сформулировать не смог, в груди сдавило.

Как всякий отец, я очень ревностно относился к ухажерам дочери, разве что из ружья их не отстреливал. Но, когда появился Вовка, он мне показался толковым и перспективным парнем. А оно вон как все вышло. Борьку же я не просто не рассматривал в качестве зятя, но и вообще думал, что особого толку из него не будет. А он взял и поддержал мою дочь.

— Борис — золотой человек. — Маруся сказала это с таким теплом, что у меня сердце заныло. — Короче, я попросила, и он тебя к себе взял. Сходил к нашей заваспирантурой, и там все оформили.

— Но я же не сдавал экзаменов, — пролепетал я, — там же конкурс семь человек на место был...

— Больше! — хихикнула Маруся. — К Борьке все двенадцать! Это же папин ученик! Научная школа Епиходова! К нему все хотят.

— Но как ты могла за меня... — У меня не было слов.

— Сережа, — очень серьезно сказала Маруся. — Во-первых, ты тоже был учеником папы, пусть и недолго. Во-вторых, ты помог мне... тогда... сходил со мной на квартиру. Ты даже не представляешь...

Она опять запнулась, но потом продолжила:

— Не представляешь, как мы с Сашкой тебе благодарны. Так что аспирантура — это меньшее, что я могла для тебя сделать. Ладно, давай до связи. А то мы с Борей в театре, и он уже идет с перекура. Не хочу, чтобы он слышал, как мы его обсуждаем.

Она отключилась, а я стоял у подъезда, и лицо мое было мокрым. Неужели начался дождь?

Глава 9

Ветер кусал щеки, пробирался за воротник куртки, отчего я невольно ускорил шаг, и в этот момент в кармане завибрировал телефон. Глянув, кто звонит, я невольно улыбнулся и ответил:

— Слушаю тебя категорически, Чингиз!

— Серый! — Голос в динамике был хриплым и до неприличия жизнерадостным. — Здорово!

— Привет, Чина. Как сам?

— Да нормально все! Слушай, ты шас где вообще? В этих своих Морках кукуешь?

— Нет, прямо сейчас я в Казани. По делам приехал на выходные.

— Да ладно? — обрадовался он. — О, нормально! А че не предупредил? Ладно, слушай сюда. У Гвоздя сегодня днюха.

Вспомнив подстреленного бандита, которого латал ночью на каком-то заброшенном складе, я пожал плечами и сказал:

— Поздравляю, раз так. Желаю счастья в личной жизни. Рад, что он выжил и дожил до днюхи.

— Не, ты не понял. — Чингиз понизил голос, словно сообщал государственную тайну. — Он в себя пришел полностью. Ходит уже. Ну, почти. Говорит, хочет тебя видеть. Лично.

— Чина, я рад, что он выкарабкался. Правда рад. Но у меня куча дел...

— Сергей Николаевич! — перебил Чингиз. — Серый! Ты ж ему жизнь спас! Он тебе как крестник, получается! Ну уважь человека, он же тебя искренне приглашает!

В его словах не было угрозы, как раньше, или требований, так что, немного посомневавшись, я нехотя согласился:

— Ладно. Только если недолго. Когда?

— Ты же дома?

— Почти.

— Через пятнадцать минут буду у тебя.

Связь оборвалась, а я убрал телефон и посмотрел на небо. Низкие серые облака неслись над крышами, обещая то ли снег, то ли дождь. Ветер усилился, я поежился и поспешил в подъезд.

Дома я переоделся в более приличное и подобающее случаю: брюки, рубашку, джемпер, — а вскоре под окнами появился черный «Лэнд Крузер» с тонированными стеклами. Чингиз коротко просигналил.

Я накинул куртку и спустился, а подняв голову, заметил выглядывающих из окон Танюху, Аллу Викторовну, Альфию Ильясовну и еще несколько лиц соседей.

— О! — Чингиз высунулся из окна и расплылся в улыбке. — Красавчик! Запрыгивай, Серый!

В салоне пахло кожей, табаком и каким-то сладковатым освежителем, призванным замаскировать табак. Безуспешно.

— Ну че, как сам? — Чингиз вырулил со двора. — Че ты там вообще забыл в этих Морках? Глушь же.

— Работаю. Лечу людей.

— А-а, ну да, ты ж доктор. — Он хмыкнул. — Слушай, Серый, а правда, что там волки из лесу прям в деревню забегают?

— Не только волки, Чингиз, но и злые духи.

— Же-е-е-сть, — поежившись, протянул он. — И как ты там?

— Справляюсь. Если ты не в курсе, у меня боевой кошак Валера и стремительный камикадзе Пивасик.

— Пивасик — это хорошо, — одобрительно кивнул Чингиз, — помогает справиться с любыми невзгодами. Кстати! — воскликнул он, лихо подрезая какую-то «Мазду». — Знаешь что? Та тема с БАДами капец как работает! Реально работает!

— В смысле?

— Ну, спирулина твоя, хлорелла эта, ку-десять и прочий магний, итить его за ногу! Пацаны берут, глотают, родителям дарят. Один вообще бросил бухать, говорит, печень чистится. Другой похудел на пять кило за месяц. Короче, тут магия какая-то — они все с БАДа какого-нибудь начинают, а потом такие: оба-на, это же клево — за здоровьем следить, а ну-ка я еще какую-нибудь бодягу сожру. А ну-ка откажусь на хрен от бургера и съем нормальный стейк! Ну и пошло-поехало! — Он заржал так заразительно, что я и сам заулыбался.

А когда открыл рот, чтобы объяснить про комплексную терапию, Чингиз предупредительно поднял руку.

— Не-не, я знаю, че ты скажешь, Серый. Типа, наука там, все такое. Но я те так скажу: пацаны верят. А вера — она горы двигает. Плацебо-хренацебо или как там его.

В чем-то он был прав. Эффект плацебо — штука мощная, особенно если подкреплена авторитетом. Братки, свято верящие в целебную силу спирулины, вполне могли почувствовать реальные улучшения. Нет, я не отказываюсь от своих же слов, исследования подтвердили, что спирулина умеренно полезная добавка, но не панацея! А вот когда на это накладывается еще и вера... О, это и правда мощь и сила, способная поднять на ноги лежачего!

— Гоманыч, кстати, тебя ждет, — хихикнул Чингиз. — После Гвоздя заскочим. Отчет подготовил, хочет лично вручить. Он там на тебя молиться готов, прикинь? Месяц назад на работу брать не хотел, потом заявку на тебя катал, а щас в ножки готов упасть. — И он довольно похоже передразнил Аллилуйева: — Пегедавайте Сеггею Николаичу мои искгенние пожелания... Тьфу!

— Заскочим, — кивнул я, — раз уж «искгенние».

За окном пестро мелькали знакомые улицы, Чингиз негромко бубнил что-то про дела Михалыча, про какие-то разборки с конкурентами, про то, что «пацаны уважают», а я слушал его вполуха, глядя на город. Ощущения были, честно говоря, странными. Еще пару месяцев назад от одного звонка шрамоворого Чины у меня холодело в животе и отнимались руки. А теперь сижу рядом с ним в дорогой машине, еду на день рождения к бандиту, и это кажется... нормальным. Не хорошим и не плохим. Просто частью жизни.

— О чем задумался, Серый? — спросил Чингиз, заметив мое молчание.

— Да так. О жизни, о людях.

— Да че о них думать? — гоготнул он. — Люди делятся на два типа: те, кого пасут, — это бараны. Стадо. И пастухи. Ты, Серый, был бараном, а стал пастухом. Это не только я так считаю. Михалыч тебя сильно зауважал. Он вообще говорит, тебя как подменили. Мол, другой ты совсем человек стал.

— А ты кто? — вырвался из меня вопрос.

— Я? — Чингиз усмехнулся. — Волк я, Серый. Волк. Отстреливать нас надо, только некому. Те, кому полагалось это делать, сами все волками стали.

И снова замолчал, сосредоточившись на дороге.

За окном начал накрапывать мелкий противный дождь, когда мы подъехали. Ресторан оказался на окраине, в промзоне — неприметное здание с вывеской «Шашлычная Арцах», у входа стояли двое крепких парней в черных куртках с высоко поднятыми от дождя воротниками. При виде «Крузака» они расступились, и один махнул рукой — проезжай.

— Тут у Гвоздя типа VIP-зал, — пояснил Чингиз, паркуясь у черного хода. — Для своих.

Внутри было накурено и шумно: длинный стол, человек десять гостей, приглушенный шансон из колонок и густой запах шашлыка с луком.

Гвоздя я узнал сразу, хотя он сильно изменился — сидел в кресле у стены, не за общим столом, похудевший килограммов на десять, с бледным осунувшимся лицом, но живыми глазами. И когда он увидел меня, в них вспыхнуло что-то такое, от чего мне стало неловко. Дурак этот Гвоздь. Сам вляпался, занимался мутными делами, чуть не подох, а теперь вот смотрит с таким восторгом, будто я чудо совершил. А ведь всего-то и надо было ему, что жить спокойно, не лезть в криминал — и чудеса бы не понадобились.

Ну как так происходит? Почему что Гвоздь этот такой безбашенный, что Лейла? И ведь ничему жизнь не учит.

Взять Гвоздя — три недели всего прошло после двух огнестрельных в грудь, пневмоторакса с обеих сторон, полутора литров кровопотери и множественных переломов ребер — то, что он вообще сидит, а не лежит под капельницей, в самом деле везение невероятное. Ребра у него еще не срослись, легкие только-только восстановили объем, и до нормального состояния оставалось минимум полтора месяца. А он тут сидит, в шашлычке, идиот.

Гвоздь начал подниматься — медленно, придерживая левый бок, — а когда кто-то из братков дернулся помочь, отмахнулся.

— Серега! — хрипло выкрикнул он. — Братуха!

Он дошел до меня и обнял — осторожно, чуть касаясь, так что чувствовалось, как тяжело дается ему каждое движение. Шрам на шее розовый, свежий, и я вспомнил, как зашивал эту рану в свете фонариков, пока Леха-зоотехник держал ретрактор трясущимися руками.

— Рад тебя видеть, — сказал я с теплом. — Выглядишь неплохо.

— Звездеж, — залыбился он, отмахиваясь. — Выгляжу дерьмово, сам знаю, но благодаря тебе живой!

Чингиз подошел ближе и негромко произнес:

— Врачи в больнице сказали — еще месяц-полтора на восстановление. Но он упертый, Гвоздяра, на своем дне рождения хотел на ногах быть.

Гвоздь махнул рукой — мол, хватит обо мне — и повернулся к столу.

— Пацаны! Это тот самый лепила, который меня вытащил! Сергей Николаевич! Прошу, как говорится, любить и жаловать!

За столом загудели, кто-то захлопал, кто-то поднял рюмку, и я почувствовал себя неуютно под этими вроде бы уважительными, но оценивающими взглядами.

Гвоздь указал на стул рядом со своим креслом.

— Садись, Серый. Поешь, выпей — Ашот шашлык делает, пальцы оближешь.

— Мне сегодня еще за руль, — соврал я.

— Чина довезет, если че, давай садись. Все свои, не менжуйся!

Пришлось сесть, и передо мной тут же появилась тарелка с шашлыком на шампуре, зеленью и лавашем, причем запах от этого великолепия шел одуряющий. Вообще, шашлык за столом был нескольких видов: на ребрах, бараний, свиной, говяжий, люля-кебаб, печенка... Да много всего, глаза разбегались. Я взял кусочек баранины и куриный, потом надкусил свой с шампура и почувствовал, что теряю голову. Сочный, горячий, только с углей сняли.

Гвоздь посмотрел, как я ем, потом полез во внутренний карман пиджака, достал что-то завернутое в бархатную ткань и положил передо мной.

— Держи. Подарок, от меня лично.

Я развернул ткань и увидел нож — не кухонный, не охотничий, что-то среднее, с наборной рукоятью из темного дерева и кожаными ножнами. Лезвие короткое, сантиметров двенадцать, но по заточке было видно, что сталь хорошая.

— Гвоздь, это лишнее...

— Обидишь, — коротко сказал он.

— Спасибо, — сказал я, принимая подарок, порылся в кармане, нашел закатившийся в подкладку рубль и по традиции отдал взамен.

— Это тебе спасибо.

Он помолчал, потом серьезно сказал, подбросив монету на ладони:

— Ты мне вторую жизнь дал, Серый, и я это запомню. Если что — звони, в любое время. Понял?

— Понял.

— Вот и хорошо, — рассмеялся Гвоздь и показал мне «орел» на монете. — Все, не мешаю, ешь, наедайся от пуза, а что понадобится, кричи, любое блюдо, хоть фуа-гра, понял? Все ради тебя, брат.

Я не стал скромничать и впился зубами в кусок сочного мяса, напомним самому себе Федю из «Операции БИ» за обедом на стройке.

Но нормально поесть не удалось, потому что дверь в зал вдруг распахнулась, и в помещение влетела высокая и яркая молодая женщина. Была она в обтягивающем платье и с копной рыжих волос. Лицо — почти копия Гвоздя, только женская версия: те же скулы, тот же разрез глаз.

— Зойка! — крикнул кто-то из братков. — Опаздываешь!

Она отмахнулась:

— Пробки! — Но тут же замерла, увидев меня: — Это он?

Гвоздь кивнул.

— Он.

Зойка направилась ко мне, и я встал, не понимая, чего ожидать — рукопожатия, благодарности?

Она схватила меня за лицо обеими руками и поцеловала в губы — крепко, жадно, взасос, запустив мне в рот горячий и юркий язычок, да так, что я на секунду забыл, где нахожусь. От нее ванильно пахло дорогими духами.

За столом грохнул хохот, кто-то засвистел, кто-то заулюлюкал, а Гвоздь захохотал, схватившись за бок.

— Зойка! Хватит! Задушишь Серого!

Она отстранилась, но не отпустила мое лицо, глаза ее блстели.

— Я же говорила, что в рабыни к нему пойду, если ты выживешь.

Гвоздь покачал головой, явно смущенный.

— Зоя, сестренка, угомонись. Человек в гости пришел, а ты его сразу в оборот. К тому же, может, женат человек, а? А ты его под монастырь...

Зойка наконец выпустила меня и широко, без тени смущения улыбнулась:

— Ладно, живи пока, Серый. Но, если что, я от своего предложения не отказываюсь, понял?

Улыбнувшись, я кивнул и промолчал — что тут скажешь? Что ни ответь, рискуешь обидеть кого-нибудь.

Зойка села за стол напротив, не сводя с меня глаз, а братки продолжали ржать и отпускать шуточки, которые я предпочел бы не слышать.

Минут через двадцать, когда я уже думал, как бы вежливо откланяться, за столом случилось оживление: один из гостей — крупный мужик с бритой головой по кличке Тощий — вдруг захрипел и схватился за горло, лицо его побагровело, глаза выпучились. Он забил рукой по столу, привлекая внимание, но из-за шума музыки и гомона гостей этого никто не заметил.

Подавился? В таком состоянии человек не может ни вдохнуть, ни выдохнуть, потому что кусок пищи намертво перекрывает гортань. Кашлять он тоже не способен, а значит, сам не справится. Без воздуха мозг продержится минуты четыре, потом начнутся необратимые изменения.

Я вскочил, быстро, под недоуменными взглядами Зойки и Гвоздя обошел стол, встал за спиной Тощего. Прием Геймлиха запомнился еще с ординатуры: обхватить пострадавшего сзади, сжать правую руку в кулак и приставить ее к животу в точке между пупком и нижним краем ребер. Левая ладонь накрывает кулак сверху. Затем резкий толчок на себя и вверх, будто пытаешься приподнять человека, выдавливая воздух из легких вместе с инородным телом.

Раз! Другой! Еще! И еще! И на пятый раз кусок мяса пробкой вылетел изо рта Тощего и шлепнулся на скатерть.

Тощий закашлялся, судорожно хватая воздух, и я похлопал его по спине.

— Дыши. Медленно. Все нормально.

За столом повисла тишина, а потом Чингиз присвистнул.

— Ну ты даешь, Серый. И на днюхе продыху тебе нет.

— Тощий теперь тоже твой должник! — ахнул Гвоздь. — Видали? Вот такой мужик Серый! А прикиньте, если бы его сейчас не было?!

Тощий, которого я спас, повернулся ко мне, его глаза еще слезились от кашля, и он возбужденно проговорил:

— Братан... Спасибо... Я думал — все...

— Мясо надо жевать, Тощий, — поучительно сказал я и покачал головой. — И не разговаривать с полным ртом, понял?

За столом снова захохотали, напряжение спало, и я вернулся на свое место, а Зойка смотрела на меня так, словно я только что совершил подвиг.

— Чина, — негромко сказал я, глянув на часы телефона, — нам пора, Роман Романыч ждет.

Чингиз кивнул и встал.

— Гвоздь, братан, мы поедем. Дела. Но я вернусь!

Гвоздь тоже поднялся, морщась от боли.

— Понял. Серый, спасибо, что приехал. Реально. От души, брат!

Мы пожали руки — его ладонь была сухой и горячей.

— Выздоровливай, — сказал я. — И не геройствуй, ребрам нужен покой.

— Да знаю, знаю. Врачи уже всю плешь проели.

— Они правы.

— Ладно, доктор, — издав смешок, сказал он. — Буду слушаться.

На улице дождь успел усилиться, и мелкие капли забарабанили по крыше «Крузака», едва мы сели в машину. Чингиз завел мотор и хмыкнул.

— Видал Зойку? Она реально на тебя запала. Осторожнее с ней, Серый, баба с характером. Огненная. Патроны будет подавать, если придется, спину прикроет, горло другому за тебя перегрызет, но спокойной жизни с ней не будет. Не найдет, с кем воевать, будет воевать с тобой, понял?

— Учту.

Машина выехала со двора ресторана и влилась в поток, а я думал о том, как странно устроена жизнь: бандиты благодарят от души, а «приличные» коллеги строчат доносы и вставляют палки в колеса. Может, дело не в том, кто ты по паспорту или по профессии, а в том, помнишь ли ты добро?

Эти помнили.

Когда мы доехали до офиса «Токкэби», Чингиз припарковался у служебного входа и заглушил мотор.

— Я подожду в машине, — ворчливо сказал он и достал планшет. — Гоманыч тебя один ждет. Нервничает небось.

— С чего бы ему нервничать?

Чингиз хмыкнул, и в этом звуке было все: и ирония, и намек, и веселое предвкушение чего-то пока мне неясного. Я вышел из машины, а Чингиз включил какой-то фильм.

Когда я вошел в офис, Гоманыч сидел за столом, заваленным папками и образцами продукции, и при виде меня вскочил так резво, будто ждал проверки из прокуратуры. Он был один — суббота.

— Сергей Николаевич! — расплылся в улыбке директор. — Гад вас видеть! Пгоходите, пгоходите!

Он протянул обе ладони для рукопожатия и чуть ли не раскланялся.

Да что тут происходит? Или произошло?

Глава 10

— Чай? Кофе? Коньяк? — чуть ли не кланяясь, как заправский метрдотель советского «Интуриста» перед буржуйской делегацией, затараторил Роман Романович. — У меня агмянский есть, хогоший! Пять звездочек!

— Спасибо, я ненадолго.

— Да-да, понимаю, вгемя — деньги! — Он засуетился, вытаскивая из шкафа какую-то папку. — Вот, подготовил отчет по пгодажам. За последний месяц выгучка увеличилась вшестеро! Пгедставляете?

Я взял папку, полистал. Графики, таблицы, цифры продаж по регионам. Спирулина, хло-релла, омега-3, витаминные комплексы — все это расходилось по Татарстану и соседним республикам с удивительной скоростью.

— Впечатляет.

— Это все благодаря вашей консультации! — Гоманыч прижал руки к груди. — И, конечно, сагафанное гадио. Люди говогают дуг дугу, а те — своим знакомым. Особенно после того случая с Сан Михалычем...

Михалыч. Его история исцеления обросла легендами, а раз суеверные братки так свято верили в чудодейственную силу водорослей, кто я такой, чтобы разрушать их веру? Уж хуже от этих БАДов им точно не будет. Всяко лучше, чем водка.

— Я, кстати, хотел извиниться. — Гоманыч понизил голос и придал лицу скорбное выражение. — Все это вгемя пегеживал, Сеггей Николаич, понимаете? Чингиз Абдуллаевич объяснил мне, что я поступил совсем не по понятиям, и потгебовал моего раскаяния и искгенных извинений.

— За что? — удивился я.

— Ну, за ту истогию с заявлением в полицию. Я тогда не понимал, с кем имею дело. Думал, вы пгосто...

— Проходимец?

— Ну... — Он замялся. — Не совсем так, но... В общем, я был непгав. Пгизнаю.

— Забыто, — отмахнулся я. — У меня к вам другой вопрос.

— Любой! — оживился он.

— Вазорелаксин-Икс. Мы договаривались на три ящика.

— А! Конечно, конечно! — Гоманыч метнулся к сейфу. — Все готово, как договагивались. Я все отложил! Один ящик вы уже забгали, вегно? Вот втогой.

Он с натугой вытащил картонную коробку, запечатанную скотчем с логотипом «Ток-кэби», и поставил на стол.

— Третий пока на складе. Забегете, когда вам будет удобно.

Экспериментальный вазодилататор, не зарегистрированный в России, но обладающий впечатляющим терапевтическим потенциалом, в условиях сельской амбулатории, где каждый препарат на счету, мог оказаться бесценным. Но я, конечно, не собирался пичкать им пациентов. Были у меня другие идеи по исследованиям и экспериментам.

— Как ваши дела, Сеггей Николаевич? — поинтересовался Роман Романович. — Слышал, вы на важном пгоекте в Магий Эл?

— Да, в Морках, — сказал я, поднимая коробку. — Поднимаю сельскую медицину в рамках отдельно взятого райцентра.

— В Могках? — Гоманыч округлил глаза. — Это же глушь, пгости господи!

— Там тоже люди живут. И тоже болеют.

— Ну да, ну да... — Он проводил меня до двери, приоткрыл ее и вдруг схватил за рукав. — Сергей Николаевич, если вдруг что-то понадобится — звоните! В любое время! Я тепеь ваш должник.

Я кивнул и вышел, а Гоманыч остался стоять в дверях, провожая меня преданным взглядом. Я был почти уверен, что искренним, потому что, судя по новым TAG Heuer Carrera на его запястье, финансовые дела поперли в гору, причем вертикально.

Чингиз при виде коробки вылез из машины и забрал ее у меня.

— В багажник?

— Да.

Мы уселись в салон, и он повернул ключ зажигания.

— Извинился? — Чингиз хохотнул, вырuling со стоянки.

— Балда ты, Чина. Ради такой фигни отнял и его время, и мое, и свое. Мог бы сейчас Гвоздя и дальше поздравлять.

— Да брось, Серый, это нужно было сделать. Накосычил, держи ответ! Вот и Гоманыч изменился, видел?

— Люди не меняются, — сказал я, глядя на мелькающие за окном дома. — Меняются обстоятельства.

Чингиз покосился на меня, хмыкнул, но ничего не сказал, и мы поехали дальше в молчании.

Уже возле моего дома я все же решился:

— Чина, скажи Михалычу, я кое-что интересное присмотрел в Марий Эл. Что именно говорить не буду, а то вы люди хозяйственные, сразу себе отжать захотите. А мне от вас пока только деньги нужны.

— В долг? — ухмыльнулся Чингиз.

— За долю. Но тема не бандитская и когда отобьется — непонятно. Зато дело благое по всем понятиям, так что спроси Сан Михалыча, если ему интересно, пусть приезжает в Морки.

— Зачем?

— Затем, что такое надо показывать, а не рассказывать.

На том и порешили, а тут уже и доехали.

Чингиз высадил меня у дома, помог занести коробку и уехал, коротко просигналив на прощание.

Дождь прекратился, но небо оставалось свинцовым. Я решил пройтись до магазина в нашем доме, проведать Светку, а заодно прикупить что-нибудь домой, и по дороге заметил на лавке у детской площадки человека.

Мужчина лет пятидесяти, в потертой куртке и вязаной шапке сидел неподвижно, уставившись в одну точку. Не пьяный — взгляд трезвый, руки не дрожат. Просто сидел и смотрел в пустоту.

Я остановился рядом.

— Все нормально?

Он медленно повернул голову, посмотрел на меня без интереса.

— Уволили, — горько сказал он. — Двадцать лет на «Оргсинтезе» отпахал слесарем! А сегодня вызвали и сказали: оптимизация штата, извините, собирайте вещи.

Я промолчал, не зная, что сказать, а он снова уставился перед собой и прошептал:

— Двадцать лет, понимаешь? Жена, двое детей, ипотека. А тут — оптимизация... гребаный насос!

Слова тут были лишними. Я знал это по себе: когда все летит к чертям, утешения звучат фальшиво, а советы — оскорбительно. Поэтому просто сел рядом на мокрую лавку и тоже уставился в серое небо. Дело клонилось к вечеру.

Минута прошла в молчании, потом еще одна. Мужчина покосился на меня с удивлением, но ничего не сказал.

Наконец я встал и сказал:

— У меня месяц назад было хуже. Уволили, обвинили в смерти трех человек, подали иск на девять миллионов, а кредиторы грозились сломать ноги. Справился. И вы справитесь.

Он смотрел на меня снизу вверх, и в глазах его что-то дрогнуло.

— Удачи, — сказал я и пошел дальше.

— Спасибо, — кивнул он.

Иногда и простое молчание тоже бывает поддержкой.

А дома я разгрузил коробку с Vasorelaxin-X, убрал в холодильник и сел на кухне с кружкой чая.

За окном темнело. Завтра нужно будет ехать обратно в Морки.

Уснул я накануне рано, а потому проснулся в половине шестого утра, от тишины, какой в Морках не бывает. Там по утрам орала петухи, скрипели ворота, а соседская бабка громко костерила козу за то, что та опять сжевала белье с веревки. Здесь же, в ставшей мне домом Серegiной квартире, было тихо, как в операционной до начала смены. Даже вредный песик молчал.

Я полежал минуту, глядя в потолок и собирая мысли в кучу. Сегодня воскресенье, двадцать третье ноября. После обеда надо выдвигаться обратно в Морки, к отработке, к Александре Ивановне с ее непонятной ненавистью ко мне, к Ачикову и его мелким пакостям. Впрочем, и к Венере тоже, а это уже совсем другое настроение. А еще же Валера и сви́нский Пивасик.

При мысли о Венере я невольно улыбнулся, хотя тут же одернул себя — нечего лыбиться в потолок, как подросток после первого свидания. Пивасик, судя по молчанию Венеры, так и не нашелся, и от этого на душе было тревожно: суслик этот хоть и стервец каких поискать, но уже как-то стал частью быта, да и не сезон сейчас для полетов над Морками.

Следующий час прошел как обычно: ритуалы пробуждения, пробежка с хмурой, невыспавшейся и на удивление молчаливой Танюхой и возвращение в пустой дом. Никто не орал, не требовал жрать, не летал под потолком и не крался по карнизу.

Сварив кофе, я соорудил яичницу из трех яиц с помидорами, луком и зеленью и съел ее за столом у окна, задумчиво глядя на двор. Воскресное утро выдалось пасмурным, но без дождя, и детская площадка пустовала — только мужик с бульдогом неторопливо нарезал круги у песочницы. Вернее, пес нарезал, активно вынюхивая вражеские следы, а мужик зевал и обреченно ходил следом.

Телефон зазвонил, когда я уже допивал кофе. На экране высветилось «Марина Носик», и я ответил, мысленно приготовившись к робкому шмыганью и длинным извинениям за беспокойство — Марина без этого разговор не начинала.

— Сергей, здравствуй! — бодро сказала она. — Извини, что так рано утром в воскресенье, я понимаю, что ты в Марий Эл, но у меня короткий вопрос...

— Слушаю, Марина.

— Помнишь, я говорила про книгу? Для диссертации?

Я не помнил, но на всякий случай ответил положительно. Мало ли, может, Танюха забыла упомянуть.

— Сергей, в общем, ты не знаешь, где я могу найти «Очерки гнойной хирургии» Войно-Ясенецкого, раннее издание?

— Э... В интернете смотрела?

— Да, но это не то издание. Я все обыскала, Сергей Николаевич, честное слово: «Авито», букинисты, университетская библиотека, республиканская, даже в Москву звонила в Ленинку

— у них экземпляр есть, но на руки не дают, только в читальном зале. А мне нужно именно свой, чтобы с пометками работать, с закладками...

— Понимаю. И что?

— Ну вот... — сказала она, чуть сникнув. — Может, у тебя какие-нибудь контакты есть? Кого-нибудь из старых профессоров? Мне первое или второе издание — там клинические наблюдения, которые из поздних перепечаток вырезали...

Я задумался. Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, он же архиепископ Лука — легендарная фигура в отечественной хирургии. Его «Очерки гнойной хирургии», впервые изданные в тридцать четвертом году, а потом переизданные в сорок шестом, до сих пор считаются классикой, и ранние издания действительно содержали уникальные описания клинических случаев, которые в современных переизданиях сократили по цензурным и редакционным соображениям. Для диссертации по гнойно-некротическим осложнениям после ампутаций — вещь незаменимая.

— Марина, к сожалению, навскидку не могу помочь, — признался я. — У меня самого такой книги нет, а московские связи... Ну, разве что Маруся поищет по архивам НИИ, но это небыстро.

— Я понимаю, — горестно сказала она и шмыгнула носом. — Спасибо, что выслушал. Извини за беспокойство...

— Подожди, — сказал я, потому что в голове вдруг шелкнуло. — Подожди секунду.

Альберт Каримович. Бывший профессор истории из сто восьмой квартиры в соседнем подъезде. Библиофил, каких свет не видывал, — у него в квартире книг больше, чем в районной библиотеке, причем половина из них была собрана еще в советские времена, когда хорошее издание ценили дороже мебели. Я вспомнил его стеллажи до потолка, стопки на полу, потерянные переплеты и подумал, что вполне может быть.

— Марина, я кое-что придумал. Перезвоню через час, ладно?

— Конечно! — воскликнула она, и голос подскочил на октаву. — Конечно, Сергей!

Я повесил трубку, натянул куртку и вышел из квартиры.

Без происшествий дошел до соседнего подъезда, поднялся на нужный этаж, позвонил в дверь и стал ждать, слушая, как за ней шаркают тапочки.

Замок шелкнул не сразу — Альберт Каримович отпирал обстоятельно, в два оборота, и когда дверь наконец открылась, передо мной предстал сам невысокий худощавый старик в вязаном жилете поверх клетчатой рубашки. Седые волосы были аккуратно зачесаны назад, на носу сверкали очки в тонкой металлической оправе, а в правой руке была раскрытая книга.

— Сергей? — удивленно переспросил он и расплылся в улыбке. — Вот так гость! Заходи, заходи, дорогой! Кофе будешь?

— Буду, Альберт Каримович, если не отвлекаю.

— Да от чего отвлекать-то? — Он посторонился, пропуская меня в прихожую. — В который раз вот перечитываю «Мастера и Маргариту» и каждый раз нахожу что-то новое. Заходи, разувайся.

Квартира у профессора была, как и прежде, книжным лабиринтом — полки от пола до потолка занимали три стены в гостиной, стопки книг и журналов громоздились на подоконнике и даже на стульях, а воздух был настоян на старой бумаге так густо, что хотелось вдохнуть поглубже. Впрочем, во всей этой книжной стихии было чисто и опрятно: пол вымыт, на столе кружевная салфетка под лампой, а кухня насквозь пропитана ароматами свежесваренного кофе.

Альберт Каримович усадил меня на диван, единственное место, свободное от печатной продукции, и ушел за кофе, а вскоре вернулся с двумя чашками и вазочкой с засахаренными орешками.

— Ну, рассказывай, — сказал он, устраиваясь в кресле напротив. — Как жизнь? Тебя же, говорят, в деревню какую-то занесло?

— Все-то вы знаете, Альберт Каримович, — улыбнулся я. — В Морки, Марий Эл. Работаю врачом в районной больнице.

— Ну надо же! — Он покачал головой с одобрением. — А ведь я помню, Сережа, как совсем недавно ты самостоятельно по лестнице подняться не мог — так шатало. Честное слово, я уж думал, пропадешь совсем.

Я промолчал, потому что отвечать тут было нечего — прежний Серега действительно катился в яму, и соседи имели полное право думать, что дно уже близко.

— А теперь вон как! — продолжал профессор, разглядывая меня поверх очков.

— Как?

— Ну вот смотри. Раньше ты, Сережа, в пол глядел — всегда, при любом разговоре. Бормотал что-то, извинялся, глаза прятал. А теперь в лицо смотришь, говоришь прямо.

— Жизнь заставила, Альберт Каримович, — уклончиво сказал я.

— Жизнь всех заставляет, — возразил он, помешивая сахар в кофе ложечкой. — Только одних она заставляет пить, а других — подниматься. Ты поднялся. И это, Сережа, дорогого стоит.

Мне стало немного неловко от его слов, потому что подлинная заслуга принадлежала не Сереге и даже не мне, а пока непонятной силе, давшей мне переродиться, но говорить об этом я, конечно, не стал. Вместо этого перешел к делу, чтобы не утонуть в комплиментах.

— Альберт Каримович, я к вам с вопросом.

— Ну-ка, — заинтересовался он. — С каким?

— Да понимаете, коллега моя, молодой врач, начала писать диссертацию по гнойной хирургии, и ей позарез нужна одна книга. «Очерки гнойной хирургии» Войно-Ясенецкого, раннее издание — первое или второе. В современных переизданиях вырезаны все примечания и комментарии мелким шрифтом. Ну да вы знаете. А ведь там уникальные клинические наблюдения, и ей они нужны для работы. Обыскала весь город — нигде нет. Не подскажете, где еще поискать можно?

Профессор подался вперед в кресле, приспустил очки на нос и посмотрел на меня очень внимательно.

— Войно-Ясенецкий? — переспросил он, и голос его дрогнул от предвкушения. — «Очерки»? Сережа, подожди...

Он встал, подошел к дальнему стеллажу и, привстав на цыпочки, потянулся к верхней полке. Достал оттуда потрепанный том в темно-зеленом тканевом переплете, бережно сдул с него пыль и повернулся ко мне, держа книгу обеими руками, словно хрупкий елочный шар.

— Издание сорок шестого года, — произнес он с нежностью. — Второе, ленинградское, «Медгиз». Купил в букинистическом в семьдесят третьем году за рубль двадцать. С тех пор стоит вот тут, на почетном месте.

Я взял книгу в руки. Тяжелая. Обложка сильно потертая, в одном месте аж до бумаги, корешок чуть надорван, но страницы целые, а на титульном листе — едва заметный библиотечный штамп и чья-то размашистая подпись чернилами.

— Это прежнего владельца, — пояснил Альберт Каримович, любовно рассматривая книгу. — Военный хирург, между прочим. Я когда покупал, продавец рассказал: книга из личной библиотеки фронтовика.

— Альберт Каримович, вы можете дать поработать?

— Я тебе отдам.

— А сколько вы за нее хотите?

Он посмотрел на меня с укоризной.

— Сережа... — проговорил он. — Я всю жизнь преподавал, и знаешь, что понял? Книги должны работать. Стоять на полке и пылиться — это не жизнь для книги. Если твоей коллеге она нужна для науки — пусть забирает. Дарю. — Он помолчал, прищурившись, и добавил с хитринкой: — Только пусть бережно обращается. Этому тому почти восемьдесят лет, он старше нас обоих.

— Спасибо, — искренне сказал я. — Вы даже не представляете, какой это подарок.

— Представляю, — сказал он с усмешкой. — Я же библиофил, Сережа. И знаю цену правильной книге в правильных руках.

Мы допили кофе и перешли на чай, а разговор сам собой потек дальше. Альберт Каримович расспрашивал про Морки, про работу в сельской больнице, про то, какая там медицина и есть ли хоть какое-то оборудование, а я рассказывал, стараясь не сгущать краски, впрочем, там и сгущать было особенно нечего.

— А отец как? — спросил он вдруг. — Николай Семенович? Давно его не видел.

Я несколько удивленно посмотрел на него, но спрашивать, откуда он знает отца Серегина, не стал. Ну конечно знает, раз здесь раньше жила Серегина бабушка.

— Нормально, Альберт Каримович. Мама на днях катаракту прооперировала, отец за ней ухаживает, переживает.

— Хороший он человек, твой отец, — задумчиво проговорил Альберт Каримович, вертя в руках ложечку. — Помню, когда у Гузель Аскарловны проблемы с пенсионным фондом были, он ей помогал все документы разобрать, по инстанциям ходил, три месяца воевал с бюрократией. Редкость, знаешь ли, Сережа, по нынешним временам, когда вот так помогают без задней мысли.

Он снял очки, протер их краем жилета и снова водрузил на нос.

— Ты, Сережа, в него пошел. Пусть и не сразу, но пошел. С детства такой был, всем помогать пытался. Всем, кроме себя... А потом... — Он отвел взгляд и пробормотал: — Водка — это же болезнь, выжигает из человека все доброе.

Я снова промолчал, только кивнул, а сам подумал о Мельнике, о том, как отец спас друга от петли, а тот теперь травит его сына, а его собственный сын Павел замешан в смерти Наташи и ребенка Серегина... Да уж, странные игры у жизни, странные и жестокие. И какой-то философский у меня получается приезд в Казань, если даже с бандитом Чингизом были такие же жизненные разговоры, какие сейчас мысли и общение с Альбертом Каримовичем.

— Спасибо, Альберт Каримович! — искренне поблагодарил я старика. — И за книгу, и за то, что не отвернулись, когда могли, ведь повод был. За все спасибо!

— Отвернуться легко, — пожал он плечами. — Сложно продолжать видеть человека в скотине, но пока ты его видишь, отворачиваться нельзя.

— Согласен, хотя и не всегда это правильно. Многим дай палец, они всю руку оторвут, если спустишь хоть раз скотство.

— Ну, тогда дам и другой совет, Сережа, раз уж ты слушаешь, — сказал профессор, когда я поднялся, бережно убирая книгу во внутренний карман куртки. — Не трать время на доказательство своей правоты. Просто живи так, чтобы доказательства были не нужны. Через год все увидят. Через два — забудут, что было иначе.

— Запомню, — пообещал я.

— Запомни. — Он пожал мне руку на прощание — крепко, по-мужски, несмотря на свои годы.

Глава 11

Я вышел во двор, крепко прижимая к груди книгу. Не доходя до подъезда, не выдержал — опустился на детские качели и принялся перелистывать пахнущие старой бумагой, чуть пожелтевшие страницы. Почти сразу зацепился взглядом за описание одного клинического случая: ранение бедра с газовой гангреной, полевой госпиталь, зима сорок второго. Войно-Ясенецкий рассказывал, как спас ногу солдату с помощью подручных средств. И разъяснение, надо отметить, было настолько детальным, что сразу снимало все возможные вопросы.

Так увлекся, что лишь резкий скрежет переворачиваемой в мусоровоз урны выдернул меня из этого медитативно-исследовательского состояния. М-да, в те времена писать умели: четко, лаконично, по существу, без воды и «умных» фраз, которые нужны для заполнения страниц. Здесь же в каждой строчке — сотни проверенных, и неоднократно, исследований. Каждое слово на вес золота.

Отдавать такую ценность Марине? Да для любого ученого расстаться с подобной книгой — проще левую руку отрубить. И это не обывательская жадность, это исследовательский интерес ученого. Но ответить ей надо было. Раз уж подписался на роль спасателя невинных дев. Выдохнув, я набрал Марину.

— Сергей?! — сразу же ответила она. — Ну что?

— Нашел. «Очерки гнойной хирургии», издание сорок шестого года, «Медгиз». Сосед дал — бывший профессор, библиофил.

На том конце повисла тишина, а потом Марина выдохнула так, будто ей сообщили о выигрыше в лотерею.

— Не может быть... Сергей... Сергей Николаевич... вы... вы серьезно?! Это же... — Видимо, от волнения перескочила она на вы, отчего запнулась, фирменно шмыгнула носом, и голос у нее задрожал. — Спасибо! Господи, спасибо!

— Ну ладно, ладно, можно просто Сергей, без формальностей, — хмыкнул я и улыбнулся двусмысленности своих слов.

— Я думала, никогда не найду эту книгу! — продолжала нагнетать Носик.

Мне это начало надоедать, и, сдерживая непонятное раздражение, я сказал:

— Вот видишь, как все устроилось. Книга есть, в целости и сохранности, так что будешь писать свою диссертацию со спокойной душой.

— Подождите, а вы... вы откуда звоните, Сергей? Вы разве не в Морках?

— Нет, Марин, я в Казани, на выходные приехал. Сегодня уезжаю обратно.

— В Казани?! — воскликнула она так, словно я сказал «на Марсе». — Так я же тоже в Казани! Рядом! Могу прямо сейчас прибежать! Через пятнадцать минут буду!

Я представил себе эту картину: Марина, раскрасневшаяся, в своих круглых очочках, с мышинным хвостиком набок, влетает в подъезд и смотрит на меня голубыми глазами навывкате, полными благодарности и еще чего-то, о чем лучше не думать, потому что Венера, и вообще, потому что не надо.

— Погоди, — хмуро сказал я, — я буду дома только через час. А может, и через полтора. Я тебя наберу.

— А где вы?

— Мне нужно родителям помочь, — прыгнул я, не рассказывая истинную причину отсрочки. — Когда вернусь — наберу.

И отключился. С некоторыми девицами иначе нельзя. Такой только дай мельчайший проблеск, буквально фотончик надежды, и все, она мысленно выскочит за тебя замуж, нарожает детей, и жить вы будете долго и счастливо... в ее мечтах. Потому что потом мечты разобьются о быт, и в отместку вместо райской жизни ты получишь ад, а рядом будет такая, как Фаина Гри-

горьевна. Да, почему-то мне кажется, что рано или поздно Марина Носик станет копией своей матушки. Если уже не становится. Но ничего — перевоспитаем. Великий советский педагог, Антон Семенович Макаренко, вон и не таких перевоспитывал. И вполне благополучно. А тут сопливая девчонка с большими запросами.

Ветер свистел в проводах. Похолодало. Я зябко поежился, встал с качелей и направился прочь с детской площадки, прижимая к себе уникальную книгу. Вот только пошел не к себе домой. И не к родителям. Я отправился в соседний двор — там была эдакая мини-типография, где распечатывали тексты, брошюровали, сшивали, сканировали, ламинировали и тому подобное. И, конечно же, там было ксерокопирование.

Я немного подумал и слегка скорректировал первоначальный план: лучше я эту книгу отсканирую и скину Марине в электронном виде на почту. Как раз ей нормально для работы будет.

Потому что такая уникальная книга мне и самому пригодится. В крайнем случае подарю Марусе.

Я довольно ухмыльнулся и заспешил к типографии, которая носила громкое название «Татарстан-Центр-Типограф», хотя по факту представляла собой тесную комнатку в полуподвале соседнего дома с двумя ксероксами, громоздким сканером и чем-то очень утомленной теткой за стойкой, которая одновременно ламинировала кому-то грамоту и разговаривала по телефону.

— Мне нужно отсканировать вот это, — сказал я, положив том на стойку. — Все четыреста двенадцать страниц.

Тетка шумно выдохнула, назвала цену и, закончив телефонный разговор, принялась, надо отдать ей должное, укладывать книгу на стекло сканера с осторожностью, которой я от нее не ожидал.

— Старинная? — спросила она, разглядывая потертый переплет.

— Сорок шестой год.

Тетка поморщилась, видимо, оттого что придется быть аккуратной, и больше вопросов не задавала.

Сканер работал медленно, каждую страницу приходилось переворачивать вручную, а я все время стоял рядом и следил, чтобы она не заламывала корешок.

Когда все было готово и файл записан на флешку, я расплатился, забрал книгу и вышел на улицу. Оригинал решил оставить себе, а Марине отправить скан. Для работы с текстом, собственно, электронная версия даже удобнее: можно делать закладки, увеличивать мелкий шрифт, копировать цитаты. А вот эта книга мне и самому пригодится. Перед Альбертом Каримовичем будет немного неудобно, но я уже придумал, как ему компенсировать — благо в Москве букинистические раритеты доступнее. Я даже знал, за чем он охотится, но не может себе позволить.

Телефон зазвонил, когда я подходил к своему подъезду.

— Сергей! — выпалила Марина с ходу. — Я совсем уже рядом! Могу через десять минут быть!

— Марин, не получится, — сказал я. — Мне нужно срочно уехать. Но я все приготовил, книгу полностью отсканировал, скину тебе на электронку. Все примечания и клинические наблюдения на месте.

— На электронную почту? — разочарованно переспросила она. — А оригинал?

— Оригинал, Марин, очень ветхий и принадлежит не мне. Я за него отвечаю. А для диссертации скан даже лучше. В конце концов распечатаешь себе всю книгу и в папочку подшьешь.

— Да, ты прав, — торопливо сказала она. — Конечно! Спасибо огромное, Сережа!

— Работай спокойно, Марин. Рад был тебя услышать.

Я повесил трубку и с облегчением скинул ей файл на почту.

Зайдя в подъезд, удивился, потому что пахло хлоркой и мокрым бетоном, а ступени блестящие! Я машинально переступил через лужу на первой площадке, стараясь не наследить, ведь кто-то, надо признать, постарался на совесть, и я даже знал кто.

В своих предположениях я не ошибся. На втором этаже у перил стояла Альфия Ильясовна в махровом халате поверх спортивного костюма и тапочках на босу ногу. Она придирчиво разглядывала перила, проводя по ним пальцем, как полковник на строевом смотре.

— Здравствуйте, Альфия Ильясовна, — сказал я.

— Ты! — произнесла она строго. — Ты же в деревню уехал? Лечить людей.

— Воистину, так и есть. Приехал ненадолго, по делам. Как тут дела обстоят? Блудешь ли службу?

— Блуду! Как есть блуду! — Она выпрямилась и затараторила: — Беса, вселившегося в хитрого песика с третьего этажа, прижала! Сперва с хозяйкой говорила, чтобы сама его угомонила. Послала меня, прости Господи, к нечистому. Тогда магнитофон включила, кассетный, с литургией, на полную громкость. Она прибежала, орала, бесы, видать, не выдержали службу божию слушать, а я ей спокойненько: «Не хочешь — не слушай». Ибо кто душой чист, тому такая музыка только в благодать. Потом внук с мальчишками мячами баскетбольными в стенку колотили, собака бесновалась, они на диктофон записали. Я Росгвардию вызвала! Протокол составили! Бумаги собираю, в суд подам!

— Одобряю, — сказал я. — Но одного раза мало.

— Знаю. — Она вздохнула. — Намордник нацепила, притихла покамест. Но, чую, ненадолго.

— Верно. Каждый раз, как лает ночью, фиксируй, записывай, участкового Гайнутдинова вызывай. Он тоже служит добру и свету. Соседей подключай, жалоба должна быть коллективная.

— Поняла! Все сделаю!

Она замолчала, и я уже собрался идти вверх, но тут заметил, что лицо у нее изменилось. Бодрый рапорт кончился, и из-под него проступило что-то затравленное, виноватое. Она испуганно глядела куда-то мне за спину.

— Что такое?

— Прости меня, дуру грешную! — выпалила она. — Прорвался один! То ли чертик, то ли демон, явился мне и имя свое назвал! Деспот!

— Что?

— Деспот! — повторила она, понизив голос до еле слышного. — Сперва во сне явился, а потом и наяву показался! Маленький, с табуретку ростом, но страшный! Весь черный, в наростах каких-то, как кора на дубе, и жаром от него несет, как от печки. Я к нему руку протянула перекрестить, а он дыхнул, и рукав у меня задымился! А глаза, ой, глаза... — Она зажмурилась и перекрестилась. — Вместо белков огонь плещется, как в горниле, а зрачки черные, бездонные! Рожки у него! И не простые, а острые, как лезвия, прямо на морде сходятся, как у топора! И копытца маленькие, цок-цок-цок по полу!

Я слушал, поражаясь детальности галлюцинации: образ был целостный, хоть икону наоборот пиши.

— А руки у него, руки! — Она перешла на свистящий шепот. — Лезвия костяные от локтей торчат, как серпы! Я обомлела, думала, зарежет! А он постоял, постоял, втянул их, руки стали попроще, корявые, в шипах, но без серпов. И говорит: «К тебе я приставлен. Зови Деспотом». А голос такой, будто в кастрюле кто говорит!

— В кастрюле? — переспросил я, убедившись, что старушка не врет, судя по показаниям эмпатического модуля.

— У него на голове вроде как кастрюля с ручками по бокам! Я сперва думала, он в посуде моей роется, а нет, это шлем такой. Так в нем и ходит. А еще крылышки на спине, маленькие, куцы. Подпрыгнет, зажужжит, как шмель, и обратно шлепнется. Летать толком не может. И когда я ему молочко ставлю, шкура у него переливаться начинает, как бензин на луже, всеми цветами!

— Погоди, — сказал я. — Ты ему молочко ставишь?

— А как же! Он же живой, голодный, поди! Блюдечко наполняю и хлебушка крошу. Не ест, правда, но ставлю все равно, потому что негоже живое существо голодом морить, даже если из пекла.

Коллеги-психиатры рассказывали, что продуктивная симптоматика при религиозном психозе часто порождает устойчивые образы, но о таком проработанном персонаже я слышал, пожалуй, впервые.

— Молочко убери, — сказал я строго. — Он не ест людскую пищу. Ему тепла достаточно. Батарею в комнате держи включенной.

— Так я и держу! Эдик ругается, говорит, жарко, форточку открывает, а я закрываю!

— С Эдиком разберемся. Слушай внимательно. Деспот не простой демон. Его из преисподней свои же изгнали, потому что отказался служить злу. Пришел к тебе, потому что место чистое, намоленное. Прибился.

— Прибился? Как котенок бездомный?

— Вроде того. Только опаснее котенка, сама видишь. Не гони. Пусть при тебе будет, прислуживает. Но те, кого за ним пошлют, те враги. Их в подъезд не пускай. Деспот помогает тебе, а ты охраняешь его. Ясно?

— Ясно! — выдохнула она с облегчением. — Значит, не за моей душой?

— Не за твоей. Ему самому укрытие нужно. Вазоны на площадке полей. И лампочку на третьем проверь, моргает.

— Все исполню!

— Как Эдик?

Она поджала губы еще плотнее, отчего лицо стало похоже на печеное яблоко, но в глазах, если приглядеться, мелькнуло что-то теплое.

— Помогает мне, — сказала она. — Драит тут в подъезде все. Я ему объяснила: бесы через грязь лезут. Через щели, через пыль, через мусор. Подъезд нечист — значит, весь дом нечист. А он: «Мам, какие бесы?» А я ему: «Не хочешь драить — я тебе святой воды на кровать вылью. Два литра. Освященной». Сразу понял.

— Сильный аргумент, — заметил я.

— А то!

Альфия Ильясовна выпрямилась с достоинством.

— Пить бросил Эдичка. Вот тебе крест, которую неделю ни капли. Только чай и компот. Я ему из сухофруктов варю, из яблок и шиповника, с утра трехлитровую банку. Он выпивает. Все лучше, чем отраву эту.

Я мысленно одобрил шиповник — витамин С и антиоксиданты, банально, но для человека, чья печень последние годы работала на износ, каждая мелочь имела значение.

— Правильно делаете, — сказал я. — Шиповник — дело хорошее. Печени полегче будет. Но сахара много не клади, ясно? Белый яд это. Лучше мед.

— Не буду, — твердо сказала она и посмотрела на меня с неожиданным уважением, как будто я подтвердил какой-то важный для нее тезис.

Потом отступила, пропуская на лестницу.

— Ты заходи, если что, — сказала она мне вслед. — Я тебе тоже налью. Компота.

— Зайду, если что, — сказал я и пошел наверх.

Между вторым и третьим этажом я столкнулся с ее сыном-меломаном. Эдик Брыжжак шел сверху с ведром и при виде меня остановился так резко, что вода плеснула ему на ботинок.

— О! Серега! — Он поставил ведро на ступеньку и вытер руку о штаны. — Ты ж вроде в деревне?

— На выходные приехал, — ответил я, разглядывая его.

Выглядел Эдик непривычно: трезвый, выбритый, в чистой клетчатой рубашке, заправленной в джинсы. Даже волосы были причесаны, что само по себе являлось для Брыжжака, как я помню, событием исторического масштаба. Но дело было не только в одежде. Две–три недели без алкоголя уже дали результат, который я, как врач, не мог не отметить: одутловатость с лица сошла, обнажив вполне нормальные скулы, белки глаз из мутно-желтых стали почти белыми, а серая, землистая кожа приобрела цвет, отдаленно напоминающий здоровый. И даже спину он держал ровнее, перестав сутулиться и шаркать ногами.

— Мать, — коротко пояснил он, перехватив мой взгляд. — Бесов гоняет. Говорит, через грязные полы лезут. Ну и я, значит, теперь главный экзорцист с тряпкой. Мне нетрудно, а она от этого умиротворенная становится.

— Знаю, — сказал я, кивнув и испытывая при этом легкий укол совести, потому что сам и запустил в Альфии Ильясовне эту программу по изгнанию бесов через санитарную обработку. — Пообщался уже. Обещала мне компота.

— Компота! — фыркнул Брыжжак. — Она его, по-моему, в святой воде разводит. Для надежности!

Я усмехнулся, и в голове всплыл разговор с Наилем в пиццерии. «Я нашел виновника гибели Наташи и сына». А Брыжжак, сидя вдрабадан пьяным у меня на кухне, начал что-то рассказывать про Наташу и осекся на полуслове. Тогда я не стал давить, но теперь, после слов Наиля, занозу нужно было вытащить.

— Эдик, — сказал я, — ты занят сейчас?

Он посмотрел на ведро, потом на меня.

— Ну, не особо. А что?

— Зайдешь на чай? Разговор есть.

Эдик после короткого раздумья согласился, занес ведро к себе и через пять минут сидел у меня на кухне с кружкой в руках.

— Чисто у тебя, — заметил он, оглядывая квартиру. — Раньше тут, помню... ну, сам знаешь.

— Знаю. Бесы, Эдик, бесы!

Он рассмеялся, отмахнулся, потом покрутил головой, разглядывая полку с книгами, чистую плиту, занавески.

— Не, ну реально, даже пахнет по-другому. Как у нормального человека. У меня вон тоже, знаешь... — Он замялся, ковырнул ногтем щербинку на столе. — Пацан мой младший приезжал на той неделе. Поиграли в приставку, я ему котлет нажарил. Ляська, правда, потом звонила, орала, что я ему мозги запудрил, но он сам написал: «Пап, приеду еще». «Пап». Прикинь?

— Здорово же! — сказал я совершенно искренне. Слово «пап» от ребенка, который стыдился тебя, бесценно.

Брыжжак отхлебнул чая, обжегся, шумно подул в кружку и поставил ее на стол, придерживая обеими ладонями, словно грел руки. И я обратил внимание, что пальцы у него уже не дрожат, хотя две недели назад тремор был заметен даже на расстоянии.

— Мать, конечно, зверствует, — продолжил он с кривой ухмылкой. — Компот, молитвы, вазоны эти, тридцать три штуки, подъезд мыть каждую неделю, потому что «бесы через грязь лезут». На работу провожает до двери и нюхает. Нюхает, Серег! Как овчарка на таможне. Но я ей, в общем, благодарен. Хотя вслух, конечно, не скажу, а то она совсем развоется. —

Он помолчал и добавил тише: — И знаешь, спать стал нормально. Без водки-то. Первые дни крутило, а сейчас ложусь и сплю. Как нормальный человек. Забыл уже, каково это.

Мы помолчали. За окном кто-то хлопнул дверью машины. Я отхлебнул чая и решил, что ходить вокруг да около бессмысленно — времени было немного.

— Эдик, — сказал я. — Помнишь, ты тогда на этой кухне... Мы сидели, я тебе про пацанов говорил, про алименты. А потом ты вдруг сказал: «А сам-то? Наташка твоя...» И осекся.

Брыжжак перестал дуть в кружку. Медленно поставил ее на стол.

— Серег...

— Я тогда не стал уточнять, о чем ты, — продолжил я спокойно. — Но сейчас мне нужно знать. Что ты хотел сказать?

Глава 12

Брыжжак п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.